

ЛИЯ КИМ

Серия «Северный предел»

РЕЕСТР ЛИЦ
ПО СОСТОЯНИЮ НА
12 ФЕВРАЛЯ 1887 Г.

№	ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО
3172	Андреев, Егор Ильич
3173	Виткин, Эрнст Степанович
3174	Белусов, Никита Яковлевич
3175	Дмитридов, Анастасия Юрьевна
3176	Громов, Фёдор Матвеевич
3177	Дорошнина, Павел Алексеевич
3178	Егоров, Марфа Тимофеевна
3179	Жданов, Кирилл Семёнович
3180	Зайцева, Варвара Николаевна
3181	Игнатъев, Лев Андреевич

ПРИЧИНА ИСКЛЮЧЕНИЯ	ОТМЕТКА
<i>выбыл</i>	—
<i>умер</i>	—
<i>лишен прав</i>	—
<i>исчез</i>	—
<i>вычеркнут</i>	×
<i>переселён</i>	—
<i>не подтверждён</i>	—
<i>без вести</i>	—
<i>вычеркнут</i>	×
<i>не подтверждён</i>	—

АРХИВ СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ
— ОСНОВАН В 1784 ГОДУ —

ИМЯ
СУЩЕСТВУЕТ
ПОКА ОНО
ВНЕСЕНО

ТОТ, КОГО
ВЫЧЕРКНУЛИ
БОЛЕЕ
НЕ УТЕН

РЕЕСТР ВЫЧЕРКНУТЫХ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Лия КИМ

Реестр вычеркнутых

«Автор»

2026

Ким Л.

Реестр вычеркнутых / Л. Ким — «Автор», 2026

После победы над местной Палатой Марина Стожарская узнаёт, что дело Лидии ведёт к центральному архиву Светлогорска. В коробке Агнии лежит лист из несуществующего реестра. Сомов предлагает законный путь с ценой - превратить дом в филиал. Марина должна найти третий путь.

© Ким Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга третья	5
Часть первая Дорога к реестру	6
Глава 1. Утро после святок	6
Глава 2. Второй лист	15
Глава 3. Феоктист и Лукерья	24
Глава 4. Касса и кузница	30
Глава 5. Пакет и Глеб	37
Глава 6. Прохор и пуговица	43
Глава 7. Восемь листов и заверка	49
Глава 8. Воскресенье	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Лия Ким

Реестр вычеркнутых

Книга третья

Лия Ким
Серия «Северный предел»

Часть первая Дорога к реестру

Глава 1. Утро после святок

Понедельник девятнадцатого января, рано. Шестой час пополуночи. До рассвета ещё час, но в кухне дома Стожарских на Старой Перевозной уже горит лампа над столом, и Марина сидит у плиты с холодной кружкой в руках. Печь не была остановлена с вечера, и дрова, заложенные Прасковьей перед сном, прогорели медленно, дав ровный жар без всполохов. Тепло держалось в комнате как будто отдельно от воздуха, плотно, по-зимнему. На столе перед Мариной лежал лист от Агнии, сложенный вдвое, в той же позе, в которой его положили в субботу вечером после спуска в подвал. По правому краю листа на бумаге держался тонкий, как след от иглы, медный отпечаток, оставленный шестилучевой звездой.

Спалось плохо.

Не от тревоги в прямом смысле, не от тяжёлых мыслей и не от сна-кошмара, какие были в первую неделю в этом доме. Спалось плохо иначе: тело словно слушалось чьего-то стороннего ритма, не своего. Просыпалась четыре раза. Зола в ногах в третий раз перебралась к голове и легла на свободную подушку, что у неё означало серьёзное намерение, а не просто кошачью прихоть. К пяти Марина уже не пыталась снова заснуть, оделась и спустилась.

В сенях висел плащ Глеба, оставленный со вчерашнего обеда; он уехал к семи в управление, но плащ оставил, потому что в нём в эти дни не нуждался, а у Стожарских пусть висит для случая. Дом был тих и тёпл, и в этой тишине ясно слышалось, как наверху в комнате Лидии скрипнула половица. Лидия тоже не спала.

Через минуту по лестнице сошла она сама. В тёплом домашнем платье, с накинутым поверх шерстяным платком, волосы убраны в простой узел, как обычно. Лицо ровное, без выражения людей, которых утром разбудил тревожный звук.

- Доброе утро, - произнесла Лидия от двери, не входя сразу.

- Доброе.

- Вы давно встали?

- Около пяти.

- Я слышала. Тоже не спалось.

Она вошла. Села напротив Марины. Зола прыгнула с верхней полки, прошлась по столу до самого края и остановилась со стороны Лидии, посмотрела на неё янтарными глазами и не пошла на руки, а просто села рядом, как сидят с другом, который рядом не первый раз.

В руках у Лидии была книга. Тёмно-зелёный кожаный том с золотым тиснением. Сверху на корешке выпуклое: «Карамзин. История государства Российского. Том IV».

Марина посмотрела на книгу. Потом на Лидию.

- Я не открывала его, - сказала Лидия, чуть опередив вопрос. - Я только принесла из комнаты под лестницей. Положила на стол. Решила, что вы сами скажете, оставить там или подержать у нас наверху.

- Я бы хотела оставить здесь, в кухне. Не у нас наверху, не в архиве. В кухне на полке. Там его всё время будет видеть кто-то из нас.

- Я тоже об этом думала.

Книга легла на угол стола. На третьей главе - закладка из бумажной ленты, оставленная Мариной в декабре, когда она нашла лист «Б» в первый раз. Закладка лежала по-прежнему. Если бы кто-нибудь открывал том, лента сдвинулась бы хоть на палец.

Не сдвинулась.

Прасковья пришла в начале седьмого. На улице ещё не светлело, она вошла с тёмно-серого крыльца, отряхнула с платка снег и сразу прошла к плите. Поставила корзину на скамью. Чайник, не дожидаясь команд, переставила на жар. В корзине у неё были травы для дороги, ещё не разобранные.

- Не спали? - спросила она, не оборачиваясь.

- Не спали обе, - ответила Марина.

- Я знала, что так будет. Это после больших дней. Святочный обед не маленький день, а у вас на нём были не только гости. У вас на нём был ещё лист.

- Лист в верхнем ящике моего стола.

- Я знаю, где. Я о другом. Лист, прочитанный, перестаёт быть только бумагой и становится сроком. У вас в голове теперь сидит срок, и тело его чувствует прежде, чем считают календарь.

Прасковья сняла платок, повесила на крюк, села у плиты. С ней в дом всегда возвращалась рабочая ровность, не убавляющая серьёзности, но и не дающая тревоге занять весь воздух. Зола перешла к её ногам, потёрлась о юбку. Старая травница наклонилась, тронула кошку коротко, и кошка пошла обратно к Лидии.

В семь спустилась Арина. С тетрадь в руках, в обычном будничном платье, с волосами, уже убранными. У неё в это утро было своё дело: после святок нужно было свести кассу за прошлую неделю и посчитать остаток. Лавка в эти дни работала вполсилы, но клиенты были.

- Доброе всем, - сказала Арина, садясь к столу. - Прасковья, я сегодня к десяти открою. У меня к двенадцати запись по Полининой знакомой и в три - Соломия обещала прислать женщину, которая просила запись на эту неделю, но я в субботу её не оформляла из-за обеда.

- Открывай, - сказала Марина. - В лавке сегодня работа обычная. А у нас наверху - другая.

- Что у нас наверху?

- Сейчас за чаем расскажу. Сначала чай.

Чай разлили в четыре кружки. К чаю Прасковья достала с полки тёмный хлеб, который испекла Соломия для вчерашнего обеда: он не доеден, оставлен на доску, накрыт льняным полотенцем. Хлеб ещё держал мягкость в середине. Прасковья отрезала четыре куска, положила перед каждым.

- Ешьте, - сказала она. - Хлеб старый, но добрый. С ним легче говорится.

Ели молча. На улице за окном понемногу светало. Свет был блёклый, бело-серый, без обещания солнца. Январь к девятнадцатому числу всегда давал самые короткие из коротких дней.

Когда кружки опустели, Марина поставила свою на стол не у самого края, а ближе к центру, и этим жестом у неё в доме обычно начинался разговор по делу.

- У нас три темы на сегодняшнее утро, - произнесла она. - Первая - срок. Вторая - деньги. Третья - дом.

- Хорошо, - произнесла Прасковья.

- Срок. По уведомлению Сомова от семнадцатого января явка восемнадцатого марта. От сегодня до восемнадцатого марта - пятьдесят восемь дней. По письму Агнии в кованой коробке - три месяца на доехать до Светлогорска, не позже семнадцатого апреля. У меня в голове два срока. Я ориентируюсь на первый. Второй держу как крайний край.

- Это правильно, - кивнула Прасковья. - Никогда не работают на крайний край. Работают на ближний, и сохраняют расстояние до крайнего как воздух.

- Соответственно, выезжать имеет смысл не позднее десятого марта. По нашим дорогам и в это время года Светлогорск от нас четверо суток в санях с тремя постояями. Десятого выехали, четырнадцатого приехали, до восемнадцатого четыре дня на ноги после дороги и последнюю сверку документов.

- Десятое марта - значит, у нас примерно семь недель до отъезда. По меркам обычной подготовки это просторно. По меркам этого дела нет.

- Согласна.

Лидия сидела молча, слушала. Когда Марина закончила перечислять сроки, она положила ладонь на закрытый том Карамзина и тихо произнесла:

- Если лист «Б» имеет смысл только в случае опоздания, то с десятого марта по семнадцатое апреля тридцать восемь дней. Это, видимо, та воронка, в которой Агния предполагала возможность сбоя. Не сбоя моего, а сбоя по дороге или в Палате.

- Видимо, так, - кивнула Марина. - Лист «Б» страховка на случай, если по какой-то причине дело сдвинется в опасную сторону после явки.

- Можно тогда задать один вопрос?

- Задавайте.

- Если у Агнии в листе «Б» страховка, не лучше ли её знать заранее, чтобы предусмотреть события, которые могут привести к опозданию или к сбою? Я не предлагаю читать сейчас. Я предлагаю обдумать сам вопрос.

Думалось недолго. Это был хороший вопрос, не первый раз заданный за последние сутки. Сама себе она его задавала ночью.

- Я ответила в субботу, что сейчас не открою. Я держусь этого ответа. Но я согласна, что вопрос остаётся: если лист «Б» содержит что-то важное для предотвращения опоздания, не открыть его сейчас - это риск. Я этот риск принимаю на себя. Если в течение этих семи недель появится сигнал, что мы можем не успеть к восемнадцатому марта, лист открою прежде сигнала. Сейчас сигнала нет. Срок есть, и я к нему иду по прямой.

- Принято.

- Прасковья.

- Я твою позицию поддерживаю, - ответила старая травница, не отрываясь от своей кружки. - Лист, в который заглядывают от одного только желания заглянуть, перестаёт быть страховкой. У Агнии было ровное чувство меры в таких вещах. Если она написала «сначала прочти», значит, рассчитывала, что прочтут только когда нужно. Не нужно - не открывай.

- Тогда лист «Б» остаётся в Карамзине, том здесь на полке, до отдельного решения.

Лидия встала. Подняла том. Прошла к шкафу у двери. На второй полке сверху, между травниками Прасковьи и старой тетрадью с лавочными записями за прошлый год, поставила Карамзина так, чтобы корешок был хорошо виден.

Закладка торчала из третьей главы тонкой бумажной полоской.

- Видно с любого места кухни, - сказала Лидия. - В этом весь смысл. Никто не подойдёт к этому шкафу так, чтобы кто-то из нас этого не заметил.

- Хорошо, - кивнула Марина. - Тогда у нас лист один, и место его одно.

Прасковья тоже кивнула. Арина смотрела на шкаф, потом на Марину. У этой девочки в глазах было обычное её внимание, без излишнего интереса, без боязливости. За четыре месяца у неё выровнялся характер до того места, которое в обычных людях называется ровной зрелостью, и теперь она смотрела на серьёзные вещи серьёзно, не пугаясь.

- Деньги, - сказала Марина, перебрасывая разговор на вторую тему. - Арина, что у нас в кассе на сегодня?

- В кассе на утро понедельника девятнадцатого января сорок семь рублей тридцать копеек обычной кассой и двенадцать рублей десять копеек резервного. Всего пятьдесят девять сорок. За последнюю неделю в лавку зашло восемь клиентов, среднее по делу шестьдесят копеек, выручка три рубля восемьдесят. Это после святок. В обычную неделю было бы вдвое больше.

- В Светлогорск на нас четверых сколько?

- Четверых?

- Меня, Прасковью, Лидии. Глеб отдельная статья, его служба и его управление платят за него. Нас трое, плюс возница. Дорога туда, постой две-три недели, обратно. На возницу

с тройкой примерно десять рублей в одну сторону, итого двадцать. Постой в Светлогорске у дальней знакомой Прасковьи четыре рубля в сутки за двух в комнате, шесть за троих, в зависимости от того, как нас примут. На две недели это от пятидесяти до восьмидесяти. Архивные сборы и копии предположительно пять-десять. Пошлины - я не знаю, и это самое неприятное место сметы.

- Итого, если по верхней границе?

- От ста сорока до ста семидесяти. И мы должны иметь запас на непредвиденное, потому что в Светлогорске простой проезд от моего ночлега в Палату и обратно в санях, я думаю, копеек двадцать. За день три-четыре раза, за две недели наберётся ещё около пяти. С запасом - двести.

- У нас в кассе сейчас шестьдесят.

- У нас в кассе сейчас шестьдесят.

В кухне стало тихо. Не в недоброй тишине, а в той рабочей, в которой числа становятся видимыми между людьми и каждый их обдумывает молча.

- Сколько ещё мы заработаем в лавке за семь недель? - спросила Лидия.

- При обычной неделе около десяти рублей чистыми с лавки. По делам у меня в работе шесть запросов, из них четыре оплачены первой частью, ещё ждут результата по второй части - это от десяти до двадцати в зависимости от того, как пройдут ответы Палаты. К концу февраля должно набраться ещё около пятидесяти-семидесяти. Это плюс к шестидесяти - сто десять. До двухсот не хватает.

- Заём?

- Заём.

- У кого?

Список людей, у которых можно было одолжить значимую сумму на семь недель под расписку, был коротким и точным. Марина перебрала его в голове.

- Соломия Андреевна. У неё есть свободные деньги, она не один год об этом упоминала. Сорок-пятьдесят рублей под три процента. Это в её привычках.

- Кузьма Игнатьич, - добавила Прасковья. - У него тоже есть. Только он не возьмёт процента. Скажет: вернёшь по силе.

- Это значит, что в случае с Кузьмой возьму меньше и быстрее верну, потому что брать у него под бессрочное обещание неаккуратно.

- Правильно.

- К концу недели у меня должен быть оформленный заём от Соломии под расписку на сорок рублей и устная договорённость с Кузьмой Игнатьичем на пятнадцать на один месяц с возвратом сразу после возвращения. Это покрывает верхнюю границу сметы и оставит небольшой запас.

Арина записала всё в свою тетрадь короткими строчками, как привыкла записывать любое практическое решение. Перо у неё двигалось ровно, без помарок. За четыре месяца она научилась систематизировать денежные разговоры так же, как Марина систематизировала юридические.

- И третья тема - дом, - произнесла Марина. - Дом я оставляю на Арину. Это пока не обсуждение, это решение, с которым мне нужно ваше согласие. Я хочу, чтобы вы все его подтвердили вслух.

Арина подняла глаза от тетради.

- На меня?

- На тебя. Лавку, кассу, клиентский поток, ежедневный учёт. Соломия и Кузьма Игнатьич на подхвате. По юридическим запросам, которые придут в моё отсутствие, откладывать в специальную папку и не отвечать до моего возвращения. Только если придёт что-то срочное от Палаты Студёного Брода, тогда звать Глеба, если он будет в наместничестве, или Резника,

если Глеб в Заостровье. Я оставлю записку с моим решением каждому, чтобы у тебя в руках была заранее подготовленная процедура.

- Я справлюсь, - сказала Арина без паузы.

- Я знаю, что справишься. Прасковья, ты согласна?

- Согласна. Арина уже не та, что в сентябре. У неё в руках лавка живёт, и в этом нет случайности.

- Лидия?

- Согласна. Я бы добавила одно: пока меня не будет, мою комнату на втором этаже Арина может занимать в часы, когда ей нужно личное место. Я не возражаю.

- Хорошо. Тогда дом на Арине, и это сегодня закреплено.

Арина опустила голову на секунду. Не в смущении - в принятии тяжести. Когда подняла, лицо было ровное.

- Я готова.

В этот момент Зола, которая до этого молча сидела у ног Лидии, медленно встала, прошла по полу к двери в сени, остановилась. Не у входной двери. Не у лестницы. Под лестницей, перед той самой дверью с замком без скважины. Села. Хвост подняла.

Три женщины в кухне посмотрели на кошку, потом друг на друга.

- Сейчас? - спросила Марина в сторону кошки, как делала уже не раз.

Зола моргнула.

- Под лестницей или в подвал?

Кошка сидела перед дверью комнаты под лестницей, но смотрела вбок, на дверь, ведущую в подвал.

- В подвал.

Зола моргнула ещё раз.

- Сейчас?

Зола моргнула в третий раз.

Марина встала. Лидия и Прасковья тоже. Арина осталась на кухне, потому что у неё в это утро не было причины спускаться в подвал, и в эти моменты она обычно понимала без слов, что её участие не требуется не из-за исключения, а из-за разделения работ.

- Я открою лавку как обычно, - произнесла Арина. - Если будут стучаться раньше десяти - не открою.

- Спасибо.

Фонарь со стола в коридоре, ключ в замок подвала, узкие каменные ступени. Марина шла первой, за ней Лидия, за ней Прасковья. Зола впереди всех, по своему обыкновению.

В подвале было сухо и прохладно. Не холодно, не сыро. Дом держал эту комнату ровно круглый год, как держал и кухню, и архив. На столе в центре лежала ковкая коробка. Та самая, которую в субботу вечером Марина открыла впервые. Печать в субботу вернулась на место, шестилучевая звезда легла обратно в свой паз, и металл был серым, спокойным, не светящимся.

Сегодня печать была другой.

Не сдвинутой, не сорванной - целой. Но в центре её шестилучевой звезды, в той маленькой белой точке, которая в субботу занимала только середину, теперь появилось второе круглое пятно. Чуть смещённое в сторону от первого, размером с горошину, отдельное. Как если бы внутри коробки за ночь созрел ещё один уровень, который ещё не открыт, но уже обозначает себя через печать.

Печать чуть тёплая на ощупь. Не как в субботу, не как накануне первого открытия. Иначе. Прохладнее, но с глубинным теплом, словно тепло шло не от самой свинцовой плиты, а из-под неё.

Лидия посмотрела на коробку, потом на Марину.

- Это второй слой.

- Это второй слой, - подтвердила Прасковья. - Первый Агния заложила сразу. Второй должен был открыться по событию. Видимо, по событию, которое произошло вчера или сегодня ночью.

- Что произошло вчера?

- Святочный обед. У вас в доме впервые после восстановления собрались все, кого дом считает своими. Глеб ночевал в своей комнате. Лидия и Прасковья остались. Арина у себя. Полина с малышом - в гостях, но недолго. Это можно считать узловой точкой: дом видел всех, кого должен был видеть.

- Это вынужденное толкование, Прасковья.

- Любое толкование вынужденно, пока коробка не показала следующее. Я просто говорю, что сегодняшнее изменение печати совпало с событием, которое для дома было значимым. Совпадения иногда стоят больше, чем нам удобно признавать.

Марина положила обе ладони на печать, как в субботу. Свинец под ладонями был тонко-прохладен, с тем подкожным теплом, которое не давало холода в полную меру. Шестилучевая звезда, центральное пятно, и второе пятно сбоку - всё на месте. Ладони чувствовали, что движения сегодня не будет: рано.

- Не сегодня, - произнесла она тихо. - Она ещё не готова.

Зола сидела у её ног, смотрела вверх, моргнула один раз.

- Дом подтвердил, - сказала Прасковья.

- Когда?

- Узнаешь. Дом обычно даёт знак за день. Будь готова к тому, что в следующие сутки или двое твоя смена.

Они постояли ещё минуту. Лидия не подходила к коробке близко, держалась в полушаге за плечом Марины. У неё было правило, которое она нигде не оговаривала: к чужим главным предметам в доме почтительная дистанция. Прасковья смотрела на печать долгим, спокойным взглядом.

- Я тебе одно скажу, - произнесла она наконец. - На этой печати сегодня появилось второе пятно. У меня в памяти из старых лет - не из того, что я видела сама, а из того, что мне говорила Агния - есть фраза о том, что кованая коробка дома может иметь до трёх слоёв. Первый - письмо. Второй - документ. Третий - имя.

- Имя?

- Имя. Чьё, не уточняла. Просто сказала: «Третий слой всегда имя того, для кого она ещё не открыта».

- Это значит, что у нас впереди как минимум второй слой - документ, и где-то дальше третий слой - имя.

- Скорее всего. Если в этой коробке три слоя, как у некоторых. У других один или два. У этой, видимо, больше.

Они поднялись по ступеням. В коридоре Марина закрыла дверь в подвал ключом, прислушалась к щелчку. Дом ответил привычной тишиной. На кухне Арина сидела с открытой бухгалтерской книгой и расписывала остаток за прошлую неделю. Когда они вернулись, она подняла глаза.

- Сегодня?

- Нет, - произнесла Марина. - В ближайшие сутки или двое. Появилось второе пятно на печати. Это второй слой. Он откроется, не сейчас.

- Я буду рядом, - кивнула Арина. - В лавке, наверху, в кухне - где буду нужна.

- Спасибо.

Прасковья прошла к плите. Взяла свою корзину со скамьи и начала медленно разбирать на столе травы для дороги: одну стопку - в дорогу под язык, чтобы не мутило в санях, вторую

- на постой, третью - на крайний случай, четвёртую - для Лидии отдельно, с учётом того, что она к зиме держится труднее всех. Каждую стопку перевязывала холщовой нитью, и руки у неё двигались по привычке, без участия глаз.

- Сейчас семь сорок, - сказала Арина, посмотрев в окно. - До десяти у нас два часа. Я переведу подсчёт кассы наверх, а тебе тут спокойно. Лидия, вы наверху или здесь?

- Я здесь. Мне сегодня надо ещё раз пройтись по приложениям к ходатайству Корниловых. Соломия передаст вечером ответ из канцелярии по запросу о подтверждении линии моей матери. Я хочу быть готова.

- Хорошо.

Арина собрала бумаги и поднялась в свою комнату. Прасковья кончила разбирать травы и поставила маленькие пучки в ряд у плиты сушиться над теплом ещё раз перед тем, как уложить их в холщовые мешочки для дороги. Лидия достала свою рабочую тетрадь и стопку копий, разложила перед собой на кухонном столе.

Марина осталась сидеть. Думала.

Думала о том, что вчера ещё у неё был один длинный календарь до восемнадцатого марта и одно ясное направление: подготовка пакета, отправка, поездка, явка. Сегодня к этому добавился второй слой коробки, который мог открыться в ближайшие двое суток, а мог дать ещё какой-то знак раньше. И что в любом случае утро понедельника, в которое она когда-то по привычке планировала бы прийти к Резнику с обычной бумагой, в этот раз сложится не по обычной форме.

К восьми часам в окно постучали короткие копытные звуки. Не один конь, а два или три. По ровному размеренному ходу было понятно, что это не суматоха: едут по делу, не торопясь, и кто-то из ездовых - человек, привыкший быть всадником, а не пассажиром саней.

Прасковья выпрямилась у плиты. Лидия подняла голову от тетради.

- Это не курьер из Светлогорска. Это наши.

- Глеб?

- Возможно. Возможно, кто-то от него.

Через минуту в калитку постучали. Стук был знакомый, не тот, которым стучат чужие в незнакомый дом, а тот, которым у Стожарских давно стучал один-единственный человек.

- Я открою, - сказала Марина. И встала.

Через сени дошла до калитки, отомкнула, потянула на себя. В сером утреннем свете за калиткой стоял Глеб, в зимнем кафтане, без шапки в руках, конь привязан тут же у столба. Лошадь свежая, не загнанная, значит, выехал с управления к шести, не раньше.

- Я знала, что это ты, - произнесла Марина.

- Я знал, что узнаешь.

Он шагнул через порог, в сени. Не обнял, не пожал руку. Просто прошёл за ней в кухню.

Прасковья на него посмотрела, кивнула. Лидия привстала со стула.

- Господин Заостровский.

- Лидия Сергеевна.

- Чай?

- С удовольствием.

Прасковья поставила ему четвёртую кружку. Марина села напротив на своё обычное место.

- Я приехал не на день, - сказал он, не глядя ни на кого конкретно. - Я уезжаю обратно в полдень. У меня в управлении в три - совещание по моим зимним рапортам. До полудня я в Студёном Броде по одному частному поводу. Я к тебе с письмом, которое не хотел отправлять курьером, потому что в нём не моя личная мысль, а служебное соображение, и мне важно, чтобы ты его прочла при мне.

- Хорошо.

Он достал из внутреннего кармана плотный конверт. Печать его управления, серебряный кант. Положил на стол перед Мариной. Не открыл сам, оставил ей.

В конверте был один лист.

«Госпоже Стожарской М.С.

Уведомление по линии Заостровского управления Северного предела.

В связи с информацией, поступившей по моей служебной линии из Светлогорска в субботу семнадцатого января, председатель Светлогорской Верховной Палаты господин В.А. Сомов рассматривает возможность сдвига даты Вашей явки с восемнадцатого марта на более ранний срок, ориентировочно на десятое-двенадцатое февраля. Официальное уведомление Вы получите от Палаты в течение трёх-пяти дней. Я даю Вам это сведение заранее, чтобы Вы имели возможность подготовиться к более сжатым срокам.

Подпись: Заостровский Г.А., наместник Северного предела.

Дата: девятнадцатое января».

Лист лёг обратно на стол. Перечитан молча второй раз. Подняв глаза на Глеба, Марина спросила без удивления:

- Сдвигает с восемнадцатого марта на десятое февраля.

- Сдвигает.

- На месяц с лишним вперёд. Семь недель превратились в три.

- Возможно, меньше. Официальное уведомление будет к концу недели, и в нём будет точная дата. Я тебя предупреждаю заранее, чтобы у тебя не было дня, в который ты узнаёшь сразу и точно, и сразу теряешь время на ошеломление.

- Спасибо.

Лидия за столом сидела молча. Прасковья у плиты тоже. Никто не сказал ничего. Это было то самое молчание, в котором у всех в голове одновременно укладывается новая конфигурация и каждый ждёт, пока остальные тоже её разложат.

- Глеб, - произнесла Марина. - Знаешь причину сдвига?

- Не знаю в деталях. По формальной линии - «в связи с уточнением обстоятельств основного дела». По неформальной - в Светлогорске на прошлой неделе что-то произошло, что заставило Сомова ускорить расписание. Я подозреваю, что это связано с делом Лидии Сергеевны: решение Палаты Студёного Брода по нему пришло к нему в субботу с курьером, и в этот же день он, видимо, изменил конфигурацию.

- Это плохой знак или нейтральный?

- Нейтральный. Сомов в работе ускоряется, когда видит хорошо подготовленную сторону. Он не торопится, когда сторона слабая, чтобы не дать ей укрепиться в спешке. Он торопится, когда сторона сильная, чтобы не дать ей подготовить лишних козырей. Это его стиль.

- Это значит, он нас оценил выше, чем мы предполагали.

- Это значит, он нас оценил серьёзно.

Лист всё ещё лежал на столе. Через минуту взгляд перешёл на Лидию.

- Если десятое февраля - значит, выезд первого. Двенадцать дней на подготовку. Семь недель сжимаются в полторы.

- Согласна, - произнесла Лидия. - Я успею собрать ходатайство Корниловых в облегчённом виде. По Зинаиде у нас почти готово. Деньги от Соломии надо просить сегодня.

- Сегодня.

- А лист «Б»?

Марина посмотрела на неё. Потом на Прасковью.

- Лист «Б» - тот же. Не открываем. Если до десятого февраля придёт сигнал, что не успеваем, откроем. Сейчас сигнала нет, есть ускорение, но это не сбой.

- Согласна.

- Прасковья?

- Я говорила утром и повторю: не открывай. У Агнии чувство меры было ровное. Не она ускорила Сомова. Сомов сам.

- Тогда позиция держится.

Глеб допил свой чай. Поставил кружку.

- Я к Резнику. Заберу копию вчерашнего уведомления Палаты по делу Лидии Сергеевны, мне нужна для моего управления. К одиннадцати буду здесь обратно, заберу свою сумку и в полдень выезжаю.

- Хорошо.

- Марина.

- Да.

- Я в Светлогорск выеду в начале февраля. Точную дату пришлю на этой неделе. По моей служебной линии я там буду до окончания твоей явки. Этот раз не оставляю тебя без сопровождения - не в смысле охраны, а в смысле того, что я в том же городе. Если что - я в наместничьем доме на Соборной.

- Спасибо.

- Не за что.

Он встал. Кивнул Прасковье и Лидии, не отдельно каждой, а всем вместе. Прошёл в сени, накинул кафтан, вышел во двор. Через минуту слышен был мерный шаг коня по мостовой в сторону ратуши.

В кухне минуту молчали.

- Десятое февраля, - произнесла Лидия наконец.

- Десятое февраля, - подтвердила Марина.

В шкафу у двери на второй полке стоял тёмно-зелёный том Карамзина с бумажной закладкой в третьей главе. Корешок был виден с любого места кухни. Закладка лежала по-прежнему.

В подвале на столе лежала ковкая коробка с двумя пятнами на печати.

А над всем этим у Марины в голове по-новому укладывалась смета: семь недель, превратившиеся в полторы, и список дел, который ещё вчера казался посильным, в эту минуту становился тем, что у юристов называется «работа на сжатый срок» - и что в её прежней жизни в Москве она брала только за двойную ставку и только когда не было выбора.

Выбора и сейчас не было. Ставка уже считалась.

Глава 2. Второй лист

День прошёл без особых событий, что само по себе после такого утра было редкостью и почти знаком.

К полудню Марина сходила к Соломии Андреевне. Соломия сидела за прилавком своей хлебной лавки на углу Соборной и Пекарной, в обычном тёмном переднике, с обычной ровной добротой человека, который три десятка лет каждый день к семи утра разводит свою печь. Глянула на Марину поверх весов.

- Я ждала.

- Уже знаешь?

- Что ты придёшь сегодня, не знала. Что ты придёшь на этой неделе, знала. У тебя в доме после такого решения, как у Лидии Сергеевны, всегда есть деньги на бумаги и нет денег на дорогу. Сколько?

- Сорок.

- Под расписку?

- Под расписку. Три процента, два месяца, возврат по возвращении.

- Не нужно три. Два. Я тебе ещё в декабре говорила, что у меня к лавке Стожарской отношение по работе, а не по выгоде.

- Не нужно делать мне поблажки, Соломия Андреевна. Три процента - это нормальная ставка между нами. У меня это в смете.

Соломия молча отошла к задней комнате, через минуту вернулась с маленьким холщовым мешочком. На столе развязала, отсчитала четыре десятка серебром, ещё несколько мелких монет добавила сверху.

- Сорок ровно. Расписку напишешь у себя, занесёшь до конца недели.

- Спасибо.

- Не за что. Когда обратно поедешь, занеси Кузьмы. Он мне в среду говорил, что у него к тебе тоже есть разговор. Он на тебя думает.

- На меня в каком смысле?

- В обычном. Хочет помочь. У него характер такой: если узнает, что нужно, идёт к делу первым. Не любит, когда у его людей не сходятся числа.

Деньги легли в кошелёк. От Соломии Марина пошла прямо к Кузьме. Лавка кузнеца была через два квартала вниз по Соборной, за поворотом на Кузнечный ряд. Кузьма Игнатъич сидел в передней мастерской, не на работе, а в тулупе, с трубкой, у небольшого окошка.

- Госпожа Стожарская.

- Кузьма Игнатъич.

- По делу или по разговору?

- По обоим.

Он кивнул, отложил трубку.

- Тогда сядьте.

Деньги были оформлены коротко. Двадцать рублей серебром на месяц, расписка не нужна, возврат после возвращения. На вопрос о процентах Кузьма посмотрел так, что вопрос отпал сам.

- Дело второе, - произнёс он. - Мне нужен ящик. Кованый, небольшой, такой, чтобы умещался в дорожный мешок и закрывался ключом без скважины снаружи. Только изнутри. Это возможно?

- Это возможно. Это будет три дня и стоить будет рубль восемьдесят за работу, материал у меня свой. Но я с тебя за это не возьму.

- Возьми.

- Не возьму. У меня к этому дому свой счёт за двадцать лет. Я не люблю, когда мне его всё время напоминают на каждой работе. Ящик будет в четверг к обеду. Если нужно раньше - в среду к вечеру. По свободе.

- К четвергу к обеду.

- Принято.

Он помолчал. Потом продолжил, глядя в окно, не на Марину.

- В Светлогорск, значит.

- В Светлогорск.

- Я там был, давно. Сорок пять лет назад. Город не нравится. Не плохой, не дурной, а как огород, в котором всё посажено по линейке: дойдёшь до края - забор; обойдёшь забор - другая линейка. У меня в нём в неделю кончалось дыхание.

- Это полезное предупреждение.

- Это не предупреждение, это просто опыт. Я тебе в среду к ящику ещё кое-что скажу.

По одному имени из тех мест. Сейчас не время.

- По имени?

- По имени. В среду, в мастерской.

Марина встала.

- В среду буду.

- В среду буду тебя ждать.

Возвращалась она обратно по Соборной короткой дорогой, минуя ратушу. По мостовой шёл низкий косой снег, и до закатных огней оставалось ещё около часа. По дороге зашла в лавку аптекаря на углу Пекарной - купила небольшую жестяную коробку с пчелиным воском для печатей: воск был лучше того, что был дома, а в Светлогорске понадобятся свежие копии под её собственной маркой. Жестянка обошлась в двадцать копеек.

К дому подошла к четырём. В сенях висел плащ Глеба - значит, он ещё не уехал в управление, хотя утром собирался к полудню. Лидия в кухне сидела с двумя стопками бумаг и тетрадь, лицо у неё было сосредоточенным, но без признака усталости. Арина за стойкой в лавке считала кассу. Прасковья молча штопала какую-то мелочь у плиты.

- Деньги взяты, - сказала Марина с порога. - У Соломии сорок, у Кузьмы двадцать. Расписку Соломии напишу к концу недели.

- Хорошо.

- Глеб ещё здесь?

- Глеб в моей комнате наверху сидит, читает что-то моё, - произнесла Лидия, не отрываясь от своих бумаг. - Просил позволения, я разрешила. Он сейчас спустится, я его слышу на лестнице.

Через минуту он действительно спустился. В руках - тонкая стопка листов из её папки по Корниловым.

- Я взял на десять минут вашу копию ходатайства от двадцать четвёртого ноября, Лидия Сергеевна.

- Я знаю.

- У меня по нему сложился один вопрос. Я задам его не сейчас. К вечеру. Сейчас уезжаю - мне правда пора. Совещание в три, между нами и Заостровьем сорок вёрст по холоду, я и так задерживаюсь.

- До свидания, Глеб.

- До свидания.

Он накинул кафтан, прошёл к коню и через минуту по Старой Перевозной уехал в сторону северных ворот.

Дом снова стал тих.

К пяти зашла последняя из обещанных клиенток - женщина лет сорока, в простом тёмном платье, с лицом, на котором лежала та усталость, которая бывает у тех, кто несколько недель спит мало. Она пришла по записи Соломии. Передала Марине письмо.

- Это от моей покойной сестры. Я нашла его в её бумагах через год после похорон. Мне его прочла дочка моя, я сама грамоту знаю плохо. В письме упомянуто имя, которое в нашей семье под запретом. Я хотела бы понять, опасно ли мне с этим письмом жить.

Марина взяла лист. Бумага старая, пожелтевшая. Чернила выцветшие, но читаемые. Письмо короткое, по-домашнему, об обычных вещах: о хозяйстве, о ребёнке, о холодной зиме. Только во второй половине, как будто между прочим, такая фраза:

«...а двоюродный наш Семён сказал, что отец его, Антон Прокопьевич, в Светлогорске теперь по другому делу, и нам про его имя в семье больше не говорить, потому что он сам так велел. Я тебе пишу это только чтобы ты знала, что он жив и в работе, и нам в случае большой нужды можно ему написать через старую тётушку в Звонком Овраге...»

Марина прочла дважды. Подняла глаза на женщину.

- Антон Прокопьевич - кем он вам приходится?

- Двоюродный дядя по матери. Семирядский. Уехал в Светлогорск, когда я была ещё маленькая, ему тогда было около двадцати. Сестра моя его помнила в лицо, я нет. У нас в семье его имя действительно не упоминается, и я не знаю причины. Сестра тоже не знала. Если бы знала, оставила бы записку.

- Семирядский Антон Прокопьевич, - повторила Марина, как будто пробуя имя на вкус.

- Да.

- А ваше имя?

- Воронцова Прасковья Сидоровна. По мужу. По девичеству Семирядская.

В кухне стало на полтора тона тише. Прасковья у плиты подняла глаза, посмотрела на Марину коротко, ничего не сказала. Лидия за столом перестала шуршать своими бумагами.

- Прасковья Сидоровна, - произнесла Марина после паузы. - Я могу задать вам один-два уточняющих вопроса?

- Спрашивайте.

- Когда ваш дядя уехал в Светлогорск?

- Лет сорок пять назад. Точную дату не помню, мне тогда было пять или шесть.

- А раньше он жил в Студёном Броде?

- Раньше он был подмастерьем у местного кузнеца. У старого Кузьмы Игнатича, ещё его отца. Учился ковать. Потом отец заметил у него тягу к бумагам и отдал его на короткое время в писари к одной женщине, которая жила в большом каменном доме на Старой Перевозной.

- К Агнии Стожарской?

- Может быть. У нас в семье эту женщину звали просто «хозяйкой» или «той, что в Стожарском доме». Имя я только теперь иногда слышу по разговорам.

- Сколько у вашего дяди было детей в Светлогорске?

- Двое. Сын, который ещё в детстве умер, и дочь. Дочь должна быть жива. Анна, кажется. Семирядская Анна Антоновна, или как-то так. Она работает по бумагам, как и отец. Точно сказать не могу, я с ней никогда не говорила.

- Хорошо. Спасибо.

Марина задержала письмо в руках на секунду. Потом аккуратно сложила и вернула.

- Прасковья Сидоровна, ваше письмо не опасно вам. Это семейная переписка, в которой нет ничего противоправного. Его можно держать дома без страха. Если оно вам как память тяжело - спрячьте подальше. Если как память дорого - храните на видном месте. Но юридического риска оно вам не несёт.

- А имя?

- Имя само по себе тоже не несёт. Просто фамилия. В Светлогорске Семирядские - не запрещённый род, не пресечённый, не объявленный. Видимо, ваш дядя сам попросил, чтобы его в родне не упоминали, и у него были к тому свои причины. Эти причины - его, не ваши.

Женщина медленно кивнула.

- Сколько с меня за консультацию?

- Двадцать копеек.

Она отсчитала на стол две монеты. Арина из лавки записала в книгу.

- Спасибо, госпожа Стожарская.

- Не за что.

Когда дверь за ней закрылась, в кухне минуту никто не сказал ни слова. Лидия аккуратно отложила своё перо. Прасковья сняла чайник с плиты, поставила греться на свободный край. Марина медленно опустилась на стул и положила ладони на стол.

- Дважды, - произнесла она.

- Дважды, - подтвердила Лидия. - Один раз в листе из коробки. Второй раз - в случайной семейной записке у клиентки.

- Семирядская в первом списке Агнии не было.

- В первом списке нет. В пятом, как мне помнится, есть. Я завтра посмотрю.

- Кузьма Игнатьич мне сегодня тоже сказал, что в среду расскажет что-то по одному имени из Светлогорска. Имени не назвал. Я понимаю, что это, видимо, Семирядский.

- Видимо.

- Это не совпадение.

- Это совсем не совпадение.

Прасковья у плиты медленно проговорила, не поднимая глаз:

- Это дом разговаривает. Не громко, мелкими знаками: лист, письмо клиентки, обещание Кузьмы. Каждое по отдельности можно объяснить случайностью. Все три вместе за двое суток - нет.

Марина встала. Подошла к шкафу у двери, посмотрела на корешок Карамзина. Закладка стояла на месте. Лист «Б» в третьей главе никто не трогал.

- Лидия. У нас ещё час до ужина. Я хочу сейчас спуститься в подвал и проверить печать.

- Я с вами.

- И я, - сказала Прасковья.

Они снова прошли тем же путём. Фонарь, ключ, ступени, шаги Золы впереди.

В подвале коробка лежала так же, как утром. Шестилучевая звезда, центральное пятно, и второе пятно сбоку - всё на месте. Но второе пятно за день выросло. Утром было размером с горошину. Сейчас - размером с маленькую вишню. Цвет светлее, чем у первого, не белый, а с едва заметным голубоватым отливом.

Печать на ошупь была заметно теплее, чем утром. Не горячая - но уже не прохладная.

- Сегодня к ночи, - произнесла Прасковья без вопроса в голосе.

- К ночи.

- После ужина.

- После ужина.

Они поднялись обратно.

Ужин был обычный. Прасковья сварила простой суп с горохом и копчёным салом, к нему - тёплый хлеб от Соломии, оставленный со святок. Арина расставила миски, налила всем поровну. Лидия резала хлеб. Сидели в кухне впятером, считая Золу, которая в этот вечер устроилась не на полке, а под столом, у ног Марины.

К концу ужина Арина первая поняла, что что-то будет, и сама встала.

- Я наверх к себе. Если нужна буду - крикните, услышу.

- Спасибо, Арина.

- Не за что. Я подожду наверху, пока вы не пройдёте мимо моей двери обратно.
Она поднялась.

В кухне остались трое.

К девяти Зола встала из-под стола и пошла к двери в подвал. Не оборачиваясь, села перед ней. Хвост подняла.

- Сейчас, - произнесла Марина, как утвердительный ответ, не как вопрос.

Снова фонарь, снова ступени.

В подвале при свете фонаря печать кованой коробки светилась явственно. Не как от свечи и не как от лампы - изнутри, ровным мягким светом, в котором тёплая медь сочеталась с тонким голубоватым отливом второго пятна.

Марина положила обе ладони на печать.

Свинец под ладонями был не горячим, но определённо тёплым. На уровне кожи это тепло вело себя странно: оно не передавалось наружу из ладоней, а наоборот, втягивало их к себе, как втягивает в воду температура, к которой ладонь подносит руку, чтобы решить, можно ли в эту воду войти.

Через минуту шестилучевая звезда поддалась. Не вся, как в субботу, а только её половина: тот сектор, в котором находилось второе пятно, отошёл в сторону, открывая под собой не круглую полость, как в первый раз, а узкую прямоугольную ячейку. Из неё пошёл тёплый, едва заметный пар - не как от воды, а как от воздуха, который долго лежал в тёплом теле и был выпущен наружу.

В ячейке лежал один лист.

Не сложенный вдвое, как первый. Не записочный, не личный. Лист реестрового образца: плотный, желтоватый, с водяным знаком в виде двух скрещённых топоров в круге - тот же знак, который Марина уже видела на обрывках Лидии, на бумагах конца восемнадцатого века Светлогорской Палаты. Только на этом листе водяной знак был побольше, а в углу - дополнительная марка: маленький круг с надписью «вн. реестр» по краю.

Марина медленно вынула лист. Положила на ровную каменную поверхность стола рядом с коробкой. Прасковья и Лидия подошли ближе.

Текст на листе был написан мелким, чётким, не русским привычным почерком, а тем особым канцелярским полууставом, которым в Светлогорской Палате велись внутренние реестры. Не для частных лиц, не для публикации, не для копирования - для внутреннего служебного хранения.

В верхней строке: «Реестр изъятых записей. Серия А. Том III. Лист 47.»

Ниже, столбцом, шёл список имён:

«1. Корнилов Аркадий Тимофеевич, изъят по причине противодействия переписи родов, дата изъятия 12 июня 1806.

2. Стожарская Зинаида Феоктистовна, изъята по сопутствующему делу к ст. 1 настоящего листа, дата изъятия 12 июня 1806.

3. Стожарский Феоктист Степанович, изъят по сопутствующему делу к ст. 2 настоящего листа, дата изъятия 12 июня 1806.

4. Колосова Анна Евдокимовна, изъята по сопутствующему делу к ст. 1 настоящего листа, дата изъятия 12 июня 1806.

5. Шумилова Дарья Григорьевна, изъята по сопутствующему делу к ст. 1 настоящего листа, дата изъятия 12 июня 1806.

6. Семирядский Антон Прокопьевич, регистратор центрального бюро, отстранён от дальнейшей регистрации настоящим листом по собственному прошению, дата отстранения 12 июня 1806».

Под списком - три подписи. Первая: «Регистратор - А.П. Семирядский». Вторая: «Свидетельствующий - по доверенности от хозяйки дома, Прасковья Игнатъевна Седова». Третья - не подпись, а оттиск шестилучевой звезды, медный, с маленькой белой точкой в центре.

В правом верхнем углу - маленький знак, нарисованный отдельно от текста, чёрной тушью. Стилизованная ласточка с маленьким крестом на крыле.

Лидия медленно опустилась на одно колено, чтобы быть ближе к листу. Долго смотрела на знак ласточки. Подняла глаза на Марину.

- Этот знак.

- Что этот знак?

- Это знак моей материнской бабки. По линии Орловых, не Корниловых. Я его видела на её похоронной иконе, она у меня в саквояже. Это родовой знак Орловых. Не Корниловых, а именно Орловых - то есть линии моей бабки и моего деда уже по другой стороне, той, которая в этом деле, как считалось, не упоминалась.

- Значит, в этом изъятии участвовала и линия Орловых тоже.

- Значит, участвовала. И значит, моё дело шире, чем мы предполагали. В нём не только Корниловы, но и Орловы.

Марина внимательно перечла шестую строку.

- Семирядский. Регистратор центрального бюро. Отстранён по собственному прошению. То есть человек, который вёл регистрацию изъятия пяти других, на этом же листе подписал собственное отстранение.

- На собственное прошение, - повторила Прасковья.

- Это значит, он, видимо, дальше не хотел продолжать. Этот лист был для него последним. После него он или отстранился сам, или его отстранили, оформив как добровольное.

- Видимо.

- И подпись Прасковьи Игнатъевны Седовой. Свидетельствующая. По доверенности от хозяйки дома.

В подвале на несколько секунд стало совсем тихо. Слышен был только тихий гул фонаря и редкие капли где-то очень далеко в основании каменной стены.

Прасковья смотрела на лист.

- Я тебе скажу позже, - произнесла она ровно, не отрывая взгляда от листа. - Не здесь. Не сейчас. Сегодня вечером, в кухне, после того как ты прочтёшь лист до конца. Не торопись с расспросом. У меня к этому листу есть слова, но они длинные.

Марина посмотрела на неё долго.

- Хорошо. Сейчас не спрошу.

Лидия медленно встала. Лицо у неё было ровное, как обычно, но в глазах появилось что-то очень собранное: не страх, не торжество, а та ясность, которая бывает у людей, наконец увидевших то, к чему они шли всю свою сознательную жизнь.

- В этом листе мой дед и мои Стожарские в одной линии. Со знаком моей бабки в углу. С отстранённым регистратором. С двумя подписями: одной мужской, одной женской, и одной не-подписью - оттиском печати.

- Так.

- Если эта печать - подлинная, то это лист, которого в светлогорском архиве официально нет. Потому что листы, оформленные с участием хозяйки дома Стожарских как свидетельствующей стороны, в открытой части реестра не лежат. Они лежат только в закрытой - в томах с пометкой «вн. реестр».

- Так.

- И к нам он попал в коробке, которую Агния оставила сто лет назад, со вторым уровнем доступа.

- Так.

- Это значит, что у нас в руках сейчас оригинал документа, который в Светлогорске считается несуществующим. Или, в более мягкой версии, копия, которая в Светлогорске никогда не выдавалась наружу.

- Так.

Молчание было долгим.

- Я не возьму его в Светлогорск, - произнесла Марина наконец. - Это слишком ценное и слишком опасное. Если у нас будут его видеть в Палате, то либо отнимут его как незаконную копию, либо нас всех привяжут к делу его происхождения. Этот лист останется в этом доме.

- Тогда что мы возьмём?

- Описание. Своей рукой, по памяти. Без знака ласточки. Без оттиска печати. Без подписи Прасковьи Игнатьевны. Просто перечисление имён, дат и причин. С пометкой «по устным сведениям лица, заслуживающего доверия, без бумажного подтверждения». Это даст нам возможность задать вопрос в Палате, но не даст возможности подвести нас под обвинение в распространении внутренних реестров.

- Согласна.

- Прасковья?

- Согласна. По существу - так. По одной детали ещё подумаем дома, я тебе скажу.

Марина медленно сложила лист обратно. Не положила в коробку - положила в свою папку, которая всё это время лежала у неё под рукой на столе. Эту папку она в подвал брала на всякий случай: в ней были чистые листы и перо в чернильнице. Папка теперь закрылась с одним лишним листом внутри.

Сектор шестилучевой звезды на крышке коробки медленно вернулся на своё место. Пар перестал. Печать снова стала плоской. Но второе пятно с голубоватым отливом не исчезло - наоборот, оно осталось, теперь рядом с первым, как след о том, что слой был открыт.

И где-то на самом краю шестилучевой звезды, в одном из её лучей, на секунду промелькнуло третье пятно. Очень маленькое, размером со спичечную головку. Тёмное, не белое, не голубое.

Лидия его тоже заметила.

- Третье.

- Третье, - подтвердила Марина. - Это, видимо, имя.

- Когда?

- Не сейчас. Я не знаю, когда. Возможно, в Светлогорске. Возможно, после возвращения. Возможно, позже.

- Хорошо.

Они поднялись по лестнице. В кухне поставили фонарь на стол. Сели втроем, как сидели утром. Папка с листом легла на стол перед Мариной.

Зола вернулась под стол к её ногам.

- Прасковья, - произнесла Марина ровно. - Я готова услышать.

Старая травница смотрела на свою кружку. Долго молчала. Потом подняла глаза. Лицо у неё было сухое, как всегда, без выражения вины и без выражения готовности оправдываться. Просто лицо человека, который сто лет нёс одно знание и теперь готовится его передать.

- Я тебе сегодня расскажу немного. Не всё. Чтобы у тебя в голове это уложилось до завтра. Завтра, если будет нужно, договорим.

- Хорошо.

- В этом листе моя подпись. Подпись я поставила в тысяча восемьсот шестом году, в июне. В этой комнате, в этом доме, под этим листом. Не я подписывала, что согласна с изъятием - я подписывала, что свидетельствую: лист составлен в моём присутствии и хозяйка дома, Агния, поручила мне поставить под ним подпись, потому что её собственная подпись на этом листе была бы для неё опасной.

- Почему опасной?

- Потому что Агния не была хозяйкой дома в формальном смысле. Дом Стожарских в тысяча восемьсот шестом году ещё был в восстановительном статусе. Она занимала его, как хозяйка по родовой линии, но в светлогорском реестре её имя как хозяйки официально ещё не значилось. Её подпись на этом листе создала бы конфликт: лист, в котором свидетельствует та, кто формально не имеет права свидетельствовать, теряет силу. Это означало бы, что весь лист подлежит пересмотру или уничтожению.

- А ваша подпись?

- Моя - тем более не была подписью хозяйки. Я в этом доме была не хозяйкой, а молодой травницей, помощницей. Моя подпись юридически тоже была неполной - но именно неполной, не отсутствующей. Юридически неполная подпись означает, что лист оформлен с дефектом, но не отменён. По правилам Палаты того времени, лист с дефектной подписью лежал в закрытой части реестра как «требующий пересмотра», но действовал. Его не оспаривали, потому что в закрытую часть никто не имел права заглядывать.

- Зачем Агния тогда пошла на эту сложную конструкцию?

- Я объясню завтра. Сегодня скажу только главное. Агния этим листом не утверждала изъятие. Она этим листом фиксировала, что изъятие произведено с нарушением - то есть с дефектной подписью. Через сто лет, когда придёт та, кто сможет прочесть закрытую часть, она увидит дефект и сможет его использовать как основание для пересмотра.

В кухне стало очень тихо.

- Прасковья.

- Что.

- Это значит, что Агния, поставив тебя как свидетельствующую, заранее создала юридический дефект, который через сто лет сможет быть использован для аннулирования этого изъятия. И всех других, оформленных по такой же схеме.

- Это значит.

- А я та, кто может его использовать.

- Если ты сумеешь.

Марина смотрела на лист на столе. На своей памяти у неё ещё не было дел, в которых сто лет назад нарочно оставленный юридический дефект становился бы основанием для пересмотра в её собственное время. В её московской практике такие конструкции описывались только в учебниках по истории права как «ловушки умного составителя».

Агния, оказывается, сто лет назад такие ловушки умела ставить заранее.

- Прасковья.

- Да.

- Сколько таких листов в светлогорском закрытом реестре?

- Не знаю. По моему ощущению, не один. Сколько именно - Агния мне не говорила. Я подписала только этот один. Возможно, и другие подписывала не я, а кто-то ещё, кого Агния выбирала по той же схеме.

- Это значит, что в закрытой части реестра может лежать сразу несколько листов, в которых она нарочно оставила дефекты подписей.

- Может лежать. Не знаю наверняка.

- Хорошо.

Папка с листом легла обратно на угол стола. На улице за окном начался медленный, ровный снегопад, тот, который в этих местах бывал не часто и означал, что к утру дороги будут белыми и тихими.

Марина закрыла папку и положила обе ладони на её крышку.

- Завтра договорим. Сегодня этого мне хватит на сон.

- Хватит, - сказала Прасковья. - И мне.

Лидия молча кивнула. Встала. Прошла к шкафу у двери, посмотрела на корешок Карамзина с закладкой. Закладка была на месте.

- Я наверх.

- Иди.

Она поднялась.

В кухне остались двое. Прасковья снова взяла свою кружку, налила в неё кипятку - заварки давно не осталось, но кипяток был ей сам по себе нужен, не из-за вкуса, а из-за тепла в ладонях.

- Прасковья.

- Да.

- Спасибо, что не молчала ещё сто лет.

- Не за что. Это давно было пора. Я ждала, чтобы ты сама нашла лист. Если бы я тебе рассказала прежде, чем ты увидела свою подпись там, ты бы не поверила.

- Возможно.

- Не возможно. Точно.

Они посидели ещё минуту молча.

К одиннадцати разошлись.

Зола, против обыкновения, в эту ночь не пошла в комнату Марины. Осталась внизу. Свернулась на пороге кухни, мордой в сторону подвала.

И в подвале на печати кованой коробки оставались три пятна. Два светлых и одно тёмное. И в этом тёмном теперь, если присмотреться при свете лампы, был едва заметный контур буквы, которую при таком освещении ещё нельзя было прочесть.

Глава 3. Феоктист и Лукерья

Вторник, двадцатое января. Восьмой час утра. За ночь снег лёг плотный, не отделимый от земли слой, и в окно кухни били не отдельные звёзды, как накануне, а ровная серая молочность раннего северного утра. Печь Прасковья развела ещё в темноте, и в доме держалось плотное сухое тепло, в котором лучше всего работали и руки, и голова.

Марина спустилась к семи. В руках у неё была холщовая папка с листом «Б», в другой - тетрадь, в которой она к этому утру уже наметила первые столбцы будущего светлогорского пакета. На столе уже стояла кружка с заваркой, не её, и хлеб с маслом, тоже не её. Это означало, что Прасковья ждала её рано и приготовила всё под её приход.

- Не торопись. Сядь. Поешь. Потом начнём.

- Хорошо.

Лидия пришла на пять минут позже, в том же шерстяном платке, с двумя листами писчей бумаги и графитом. Она села на своё место - тот стул, который к четвёртому утру в этом доме стал для неё своим без специального решения, - и положила бумагу перед собой. Лицо у неё было ровное, без признаков плохого сна, но в плечах сидела заметная сосредоточенность человека, который ночь думал.

Арина в это утро спустилась раньше всех - в пять, когда ещё никто не встал, - и уже была в лавке. На кухне после неё остался след: чистая кружка на сушилке, обёрнутая в полотенце буханка, и тетрадь с приходом за вчерашний день, оставленная на углу стола под камешком от ветра. Касса не сошла на семьдесят копеек в недостатке. На полях было её ровным аккуратным почерком: «Поговорить, считаю свою ошибку. С.А.» - что означало «Соломия Андреевна, к ней схожу днём, спрошу». Марина прочла строчку, кивнула про себя и закрыла тетрадь. Девочка справлялась.

Ели молча. На улице за окном начался редкий, нежесткий снегопад - тот, который к полудню обычно прекращался.

Когда хлеб был доеден и кружки переставлены к краю, Прасковья сложила руки на столе.

- Договорим. По вчерашнему.

- Договорим, - сказала Марина.

- Я тебе вчера сказала, что подписала лист в июне восьмьсот шестого. Я тебе не сказала, чем тот лист закончился для тех, чьи имена в нём стояли. Сегодня скажу. Тебе важно это знать прежде, чем ты соберёшь пакет и поедешь в Светлогорск.

- Я слушаю.

Прасковья наклонилась чуть вперёд. Зола, сидевшая у Лидии под рукой, повернула голову, посмотрела на старую травницу прямо, без обычного полусонного прищура, и осталась так смотреть до конца разговора, как смотрят дети, когда взрослые наконец говорят то, что должны были сказать давно.

- На листе шесть имён. Из шести двоих я знала живыми. Остальные были вписаны постарше, и я их в лицо не помнила. Двоих знала: Феоктиста Стожарского и Зинаиду, которую в доме звали Лукерьей.

- Это тот самый Феоктист? - спросила Марина. - Феоктист Степанович, отец Зинаиды?

- Тот самый. Сын Степана Феофановича, прямой Стожарский. Но в бумагах его линию в какой-то момент увели на холмецкое хозяйство боковой ветви. Не вычеркнули из крови, а отвели от главного наследного хода, чтобы закрыть спор о земле и доме. С тех пор его линия в бумагах шла криво: для семьи он оставался своим, для Палаты - боковым.

- А Семирядские?

- Через мать Феоктиста, Анну Прокопьевну. Она была из той ветви, где Семирядские держались близко к кузнецам и писарям. Антон Прокопьевич Семирядский, тот самый реги-

стратор, что подписал лист как составивший, приходился Феоктисту дальним родичем по материнской линии. Здесь нет случайности. Здесь связь, которая в этих местах в те годы держалась прочнее, чем бумага.

- Лукерья кто?

- Домашнее имя Зинаиды. В метрике и в Палате она Зинаида Феоктистовна, дочь Феоктиста. В доме её звали Лукерьей. Не вместо имени, а рядом с ним: одно для бумаги, другое для кухни, печи и своих. Такое имя в ратушу не несут, но дом его помнит крепче, чем канцелярское.

- Она была замужем?

- Нет. Сначала было несостоявшееся сватовство, потом человек из Светлогорска, который начал давить на неё через Палату. Феоктист к тому времени был уже стар и защищал плохо, не потому что не хотел, а потому что силы у него были не те. В одну ночь Зинаида исчезла из родного дома. Для соседей сказали, что умерла, но тела никто не видел. В доме Стожарских её приняли под кров уже как Лукерью - не для Палаты, а для живых.

В кухне стало тихо. Лидия слушала не отрываясь. Её рука с графитом замерла над листом.

- Прасковья.

- Что.

- Если Феоктист и Зинаида были вписаны в этот лист, и Зинаида была дочерью Феоктиста, то имя Стожарских в реестр вычеркнутых на этом листе попало через отца и дочь.

- Попало.

- И юридически это означает, что прадед хозяина, через Феоктиста, имел отношение к...

- Не так. На листе стоит дата составления. Подписи живых. К старшему хозяину, через которого Палата потом могла бы вести родовую связку, этот лист прямо не относится. Он относится к Феоктисту, к Зинаиде и к четырём другим. И к нашему дому он отношения тоже не имеет в том смысле, в каком ты подумала.

- Хорошо.

- Но в Светлогорске, если ты этот лист предъявишь, тебе на нём могут начать выводить связь, которую я тебе только что объяснила. Они скажут: вот, Стожарские в реестре вычеркнутых. Не разбираясь, что Феоктист был не хозяин основной линии, а человек, чью линию Кудельниковы отвели через холмецкую запись. Они скажут: значит, ваш дом, Марина, тоже в этом реестре. И из этого они выведут, что ваш дом подлежит проверке как причастный к семейной линии вычеркнутых.

- А если они так выведут?

- Они тебя поставят в неприятное положение, в котором тебе придётся доказывать обратное. А обратное доказывается долго и плохо, потому что у тебя на руках нет документов, по которым линия Феоктиста была переведена на холмецкое хозяйство. Те документы лежат в Холмецком уезде, в архиве, и за сто лет неизвестно, целы ли они.

- То есть лист в Светлогорск везти не надо.

- В нынешнем виде не надо. С ласточкой Орловых, со знаком звезды, с моей подписью - не надо. Если повезёшь - они на тебе и на доме сядут плотно, и ты к Лидии не пробьёшься, потому что тебя саму будут оформлять.

Марина положила руку на холщовую папку, в которой лежал лист «Б». Папка была плотная, без отметин, без надписи. С виду - папка как папка.

- Тогда зачем мы вчера всю эту цепочку разбирали?

- Чтобы ты знала, что у тебя в подвале лежит. Не для того, чтобы ты это везла. Для того, чтобы ты, сидя в кабинете Сомова и слушая его вежливый голос, помнила: у меня в подвале есть лист, который, если я его покажу, обвалит часть его реестра. Это знание тебе нужно в голове, не в папке.

- В рукаве, а не в руке.

- Можно и так сказать. Я бы сказала иначе: за пазухой и тёплое. Чтобы ты в любой момент знала, что тебе есть чем встретить его удар, но чтобы ты не торопилась этот удар ставить.

Лидия за всё это время не сказала ни слова. Она писала. Не свои мысли, а слова Прасковьи, без интонации, ровно, как пишут протокол. Когда Прасковья замолчала, Лидия положила графит на стол и посмотрела на Марину.

- Я бы хотела, чтобы это записанное лежало у меня в Светлогорске под рукой. Не в общем пакете. Отдельно. Если что-то случится с пакетом, эта запись пусть будет у меня. Я положу её к себе в подкладку.

- Хорошо, - сказала Марина. - Только перепишите начисто. Графит сотрётся, чернилами надёжнее.

- Я перепишу к вечеру.

- Перепишите и покажите Прасковье. Прасковья поправит, если где я неточна.

- Покажу.

Прасковья кивнула без слов. Потом встала, подошла к плите, подбросила в неё одно полено, вернулась.

- Теперь по пакету. Что в нём.

Марина открыла свою тетрадь.

- По уведомлению Сомова: грамота Лидии семнадцатого декабря восьмьсот пятого года, копия с моей пометкой, заверенная в Студёном Броде с подписью Голощёкина, выпись из домо-вой книги Стожарских с моим именем хозяйки, выпись с именем Лидии как принятой под кров с пятого декабря, журнал записи приёма от того же числа, акт обстояния дома от двадцать восьмого декабря, копия моей доверенности от Заостровского от первого ноября в части касающейся, и личная грамота Лидии Орловой, которую я ей выправила тринадцатого января. Это восемь листов. К ним пишется опись.

- Восемь, - повторила Прасковья. - Тяжело. И тонко. Все ли понадобятся?

- Все. Сомов отметит каждый. Если хоть один не предъявлен, он на нём построит первое замечание.

- Хорошо. И ничего сверх восьми?

- Сверх восьми - письмо Агнии. Не сам лист в полном виде. Описание по памяти. Без знака ласточки. Без подписи свидетеля. Без даты в чистом виде - с пометкой «приблизительно начало девятнадцатого века». Без указания, что лист найден в подвале. С пометкой, что описание составлено по личному ознакомлению с документом, хранящимся в доме Стожарских.

- Это не пакет. Это девятый лист, который ты пишешь сама.

- Я его пишу сама. Я его подписываю как хозяйка. Я его держу не в пакете, а в верхней папке у себя на коленях, чтобы предъявить или не предъявить по моему решению в кабинете.

- А не побоишься его написать?

- Боюсь. Но не написать его - значит ехать в Светлогорск пустой. Я тогда буду говорить там голосом просительницы, а не голосом стороны.

Прасковья посмотрела на неё, на этот раз дольше обычного. Потом коротко, по-своему, кивнула.

- Пиши. Только покажи мне сегодня вечером, прежде чем чернила высохнут. Я скажу, где ты переборщила.

- Покажу.

К половине девятого разговор оборвался от звука у крыльца. Стук в дверь был не глеба - Глеб стучал иначе, два коротких, один длинный, как уговорено. Этот стук был один, плотный, в полную ладонь.

Зола поднялась с пола, прошла к двери, остановилась, не выгнув спины и не зашипев, но и не показывая того расслабления, какое бывало у неё, когда приходили свои.

Марина встала. Через окно посмотрела на крыльцо.

На крыльце стоял Аким Васильевич Голощёкин. Без шапки, в форменной шубе со старым каракулем по краю, при шашке. За плечом у него был писарь, Прохор, с папкой подмышкой. По дороге к воротам стояли сани с двумя лошадьми.

- Кто? - тихо спросила Прасковья.

- Голощёкин. С Прохором.

- Вот тебе и пакет, - сказала Прасковья. - Ещё не уложен, а уже пришли проверять.

- Я открою.

- Открой. Только дверь до половины. Пусть постоит на пороге. В дом - не зови сразу. В кухню - не зови вовсе.

- Не позову.

Марина прошла в сени, накинула на плечи шерстяную шаль и открыла дверь.

- Аким Васильевич.

- Марина Сергеевна. Здравствуйте. Простите за раннее посещение. У меня к вам два слова.

- Слушаю.

- Я приехал не по делу. По делу я с него снят, как вам известно. Я приехал по личной просьбе. На пять минут. Если позволите - не на крыльце, на пороге, в сенях, где теплее, но в дом не прошу. Я понимаю.

Марина отступила на шаг, дала ему войти в сени. Прохор остался на крыльце с папкой. Голощёкин снял шубу не до конца, только распахнул, без снимания. В сенях у него от тепла сразу запотело пенсне. Он снял пенсне, протёр платком, надел обратно.

- Я слушаю, - повторила Марина.

- Аделаида Петровна, - сказал Голощёкин и сразу замолчал, как человек, который произнёс важное и проверяет, на что попало.

- Что Аделаида Петровна?

- Аделаида Петровна Кудельникова. Урождённая. Так звали мать господина Сомова. Я об этом узнал на той неделе, не от него. Узнал случайно, через старые бумаги моей покойной тётки, она была из Кудельниковых дальней ветви и хранила родовую переписку. Я к вам приехал сказать одно: господин Сомов через Кудельниковых связан с теми семьями, которые в восьмисотых годах в Светлогорске вели работу по изъятию записей. Я это говорю не для того, чтобы оправдаться. С дела я снят, и слава богу. Я это говорю, потому что ваш отъезд в Светлогорск, который, как мне доложено, готовится, есть отъезд к человеку, который вам не родня по противоположной стороне случайно. Он вам противоположная сторона по семейной линии, идущей сто лет.

Марина смотрела на него молча. На той же лестнице, что вела наверх, скрипнула половица: Лидия, видимо, сошла на середину и слушала из-за поворота.

- Аким Васильевич.

- Да.

- Вы это знание мне сейчас отдаёте. По какой причине.

- Я уже сказал. С дела я снят. Господин Сомов мне это устроил вежливо, формально, через перевод подсудности. Я ему ничего не должен. Я не обязан молчать о том, что узнал из своих семейных бумаг, и сообщил вам, как заинтересованной стороне. Это с моей стороны не услуга. Это, если хотите, корысть. Я хочу, чтобы у вас в Светлогорске были глаза. Не потому что я вам друг. Потому что мне нравится видеть, как такие, как Сомов, не получают всего, на что рассчитывают.

- Записывать ваши слова я не буду.

- Я их и не повторю на бумаге. Я их сказал устно, в сенях, при свидетеле, который ничего не слышал, - он кивнул в сторону крыльца, где Прохор стоял спиной, демонстративно глядя на сани, - и пусть это останется так. Если вам понадобится в Светлогорске сослаться на семейные

бумаги Кудельниковых, ссылайтесь не на меня. Ссылайтесь на покойную Анну Тимофеевну Голощёкину, мою тещу, бумаги которой по завещанию хранятся в её доме в Холмецкой Слободе. Дом не запечатан. Бумаги доступны для родственников. Я к ним отношения сейчас не имею, в наследство не вступал, но как зять умершей могу при необходимости подтвердить, что бумаги существовали.

- Вы понимаете, что вы сейчас даёте мне инструмент против человека, которому вы формально подчинены.

- Я не подчинён господину Сомову. Я подчинён Палате. Палата и господин Сомов - не одно и то же, хотя ему хочется, чтобы это казалось одним. Я уже стар для того, чтобы путать одно с другим.

Они молча постояли в сенях. Голощёкин надел пенсне поплотнее, посмотрел на Марину прямо в глаза.

- Это всё, что я хотел сказать. Я не прошу вас благодарить. И не прошу не упоминать. Делайте с этим, что считаете нужным.

- Я с этим буду думать.

- Думайте. Я уезжаю в Холмецкую Слободу на неделю. По делам. Если что - я там.

Он поклонился, кратко, по-старому, со снятием шапки, которой на нём не было, поэтому жест получился неполный, и вышел. Прохор у саней повернулся, без выражения посмотрел на Марину, без выражения вошёл в сани следом за начальником, и через минуту они были уже за воротами.

Марина закрыла дверь. Запор повернула. Постояла. Лидия сошла со ступеней.

- Вы слышали? - спросила Марина.

- Слышала.

- И?

- Я записала. В голове. К вечеру перепишу к листу с Феоктистом и Зинаидой-Лукерей. Это сюда же. Это о том же дереве, только с другой стороны.

- С другой стороны.

Они вернулись в кухню. Прасковья сидела у плиты с тем же выражением, с каким она сидела всегда, когда что-то важное случалось в её доме, а её на это не звали: ровным и тяжёлым.

- Что он принёс? - спросила она.

- Имя матери Сомова. Аделаида Петровна Кудельникова.

Прасковья замолчала на длинных пять секунд. Это была длительность для неё необычная. Потом она тихо, без жеста, сложила руки на коленях и сказала:

- Кудельниковы в Холмецком уезде в восьмисотых годах держали книги переводов по боковым хозяйствам. Кудельниковы и оформляли линию Феоктиста в Холмецкую Слободу.

- На какое.

- На холмецкое хозяйство боковой ветви. Я тебе утром сказала: Феоктист по крови оставался прямым Стожарским, но по бумаге его линию отвели от основного наследного хода. Я не сказала, кто эту запись оформлял. Оформляли Кудельниковы. Подпись на той записи - Петра Кудельникова. Это был дед той самой Аделаиды Петровны, о которой тебе сейчас сказал Голощёкин.

- То есть Сомов мне противная сторона не только по светлогорской Палате, но и по той самой линии, по которой мой дом стал связан с реестром вычеркнутых через Феоктиста.

- По той самой.

- И мать Сомова - внучка человека, который оформил запись, позволившую через несколько лет Антону Семирядскому подписать лист, в котором стоят имена Феоктиста и Зинаиды.

- Внучка.

Лидия снова взяла графит и записывала. Молча.

В кухне стало тихо так, как бывало тихо в этом доме редко: когда тишина не от пустоты, а от того, что в воздухе уплотнилось знание, которое сейчас не озвучивают, потому что слишком тяжёлое.

Зола, в нарушение своего обычного, вспрыгнула к Марине на колени, по-кошачьи, без приглашения. Села. Тяжёлая, тёплая, и от её тяжести у Марины на коленях держалось ощущение, как будто положили на колени маленький, плотный, нагретый камень.

- Прасковья.

- Что.

- К Кузьме сегодня я пойду одна. К Соломии - сегодня же, но позже. Лидия пусть утром пишет, не выходит. Дом сегодня снаружи не открываем. Если кто из клиентов придёт - Арина в лавке, лавка - дело отдельное, лавку не закрываем, но из дома в дом сегодня никого не пропускаем.

- Сделаем.

- И ещё.

- Что.

- Письмо Агнии в коробке имеет третий слой. До трёх. Прасковья сказала: первый - письмо, второй - документ, третий - имя. Третье пятно на печати уже появилось. Имя пока не читается. Но оно появится. И, по моему ощущению, оно появится не в Студёном Броде. Оно появится в Светлогорске. Дом нас сейчас не пускает к нему здесь. Дом нам говорит: довольно с тебя того, что ты уже знаешь. Остальное узнаешь там.

- Дом так говорит.

- Дом так говорит.

Прасковья ничего не ответила. Только встала, подошла к шкафу у двери, сняла с верхней полки маленький льняной мешочек, в котором у неё с самых первых лет в этом доме хранилась горсть сухой полыни, оставленная ещё Агнией. Положила мешочек на угол стола перед Мариной.

- Возьми с собой в Светлогорск. Не на показ. В подкладку. Полынь Агнии. Она не лечит. Она напоминает, что ты не одна.

- Возьму.

К девяти Лидия села переписывать. Марина - писать описание по памяти. Прасковья - перебирать сборы. На улице снег пошёл плотнее, лёг ровно, как будто специально к этому утру: чтобы никто посторонний по такой погоде в дом не приехал.

В подвале на печати кованой коробки три пятна стояли неизменно. Третье оставалось тёмным, с контуром буквы, который ещё не складывался в слово.

Глава 4. Касса и кузница

К одиннадцати снег перестал. Небо не разъяснилось, осталось бело-серое, ровное, но воздух чуть подсох, и идти по дороге было можно без шали поверх платка - простой шубы и валенок хватало.

Марина вышла из дому без двадцати двенадцать. На плече - холщовая сумка, в ней тетрадь с расчётами и небольшая аптечная коробочка с двумя готовыми составами для Соломии: успокаивающим сбором по её просьбе и притиранием от ломоты в поясище, которой Соломия мучилась с осени. Деньги Марина в дом к Соломии не несла, потому что просить идут пустыми и берут на руки уже у хозяйки. Так в этих местах было заведено, и так Прасковья её учила.

Шла одна. Прасковья дома, у плиты, с Лидией. Арина в лавке. Зола, против обыкновения, у двери не стала, а села у окна, мордой к улице, как будто отслеживала уход хозяйки и собиралась отслеживать возвращение.

Аптека Соломии Андреевны Скородумовой стояла на Большой Поленовской, в двух кварталах от дома Стожарских. Каменный нижний этаж, деревянный верх с резной верандой, синяя вывеска с белой надписью «Аптека С. А. Скородумовой» - всё то же, что в прошлом ноябре, когда Марина зашла сюда впервые. Над дверью висел колокольчик. Колокольчик звякнул, когда Марина вошла. Соломия подняла голову от прилавка, увидела, отложила пузырёк, который держала в руках, кивнула.

- Марина Сергеевна.

- Здравствуйте, Соломия.

- Проходите. К вам можно я закроюсь на четверть часа? У меня в эти дни редкий клиент, а кому надо - постучатся.

- Закройтесь.

Соломия повернула в двери ключ, повесила на стекло табличку «Перерыв до двенадцати тридцати», увлекла Марину за прилавок в маленькую заднюю комнату, где у неё стоял диван, узкий столик и пять-шесть полок со сборами для своих, не для покупателей. Сели. Соломия налила в две глиняные кружки воду из самовара. Чая не предложила - в её доме чай был для тех, кто пришёл не по делу.

- Я к вам по делу, - сказала Марина.

- Я поняла. По выезду в Светлогорск.

- По выезду.

- Сколько вам нужно.

Соломия не любила долгих подходов. С ней разговор всегда шёл коротко, по делу, и за её сухостью у Марины с первого месяца стояло понимание, что от Соломии слово «нет» услышишь быстрее, чем долгие объяснения, а слово «да» услышишь так же быстро, и обсуждать его потом не нужно.

- Сорок рублей. Если можно, до конца апреля. С возвратом по записи. Я могу под три процента в месяц или под половину дохода с аптечной полки за апрель, как вам удобнее.

- Под три процента в месяц. Я процентами беру со всех, с кого вообще беру. С вас не возьму больше и не возьму меньше, иначе у меня нарушится привычка к ровности. Сорок дам сегодня. Возврат к концу апреля, не позже первого мая. По расписке. Расписка обычная, моя бланочная, я её сейчас принесу.

- Хорошо.

Соломия вышла в торговый зал, через минуту вернулась с печатным бланком расписки на четверть листа писчей бумаги, со своими реквизитами в шапке. Положила перед Мариной. Чернила и перо у неё на столике лежали постоянно, заточенные.

- Заполняйте. Я вам тем временем отсчитаю.

Марина заполнила: «Получила от Соломии Андреевны Скородумовой сорок рублей под три процента в месяц на срок до первого мая тысяча девятьсот шестого года. Возврат основной суммы и процентов в этом доме лично. Студёный Брод, двадцатое января тысяча девятьсот шестого года. М. С. Стожарская». Подписала, поставила число. Соломия в это время отсчитала восемь пятирублёвок, проверила каждую на свет, сложила в пачку, перевязала тонкой ниткой и положила перед Мариной.

- Сорок.

- Спасибо.

- Не благодарите. Это работа. Я ещё хочу одно сказать, не как заимодавица, а как соседка.

- Слушаю.

Соломия села напротив, сложила руки на коленях.

- В аптеку вчера приходила женщина, не моя постоянная. Спрашивала про вас. Не открыто. Сначала про притирания, потом про сборы, потом сама собой свернула разговор на то, что в городе есть приезжая травница, которая, говорят, ведёт записи и не ошибается. Просила меня рассказать, где вы живёте и как у вас принимают. Я ей ответила, что в нашем городе нет такой травницы, есть Стожарские, которые держат лавку для своих, и в лавку записывают не всех. На большее не пошла.

- Кто была эта женщина.

- Я её прежде не видела. На вид лет сорок, гладкое лицо, обычный шёлковый платок поверх обычного шерстяного - так у нас в городе не носят, у нас или шёлк, или шерсть, не вместе. По выговору не местная. Не уездная. По одежде - не светлогорская, но и не из тех уездов, которые мне знакомы. Я бы сказала, она была одета как женщина, которая хочет, чтобы её приняли за местную, и старается для этого, но не до конца знает, как местные у нас в это время года носят платок.

- На имя представилась?

- Назвалась Пелагеей. Без фамилии. У меня в аптеке без фамилий - обычное дело, я не выпрашиваю. Но имя у неё прозвучало так, как звучат имена, под которыми не живут.

- Она у вас купила что-нибудь?

- Купила пузырёк лавандового масла за тридцать копеек и просила завернуть отдельно. Это самая обычная покупка, под неё в моей аптеке кто угодно может зайти и не остаться в памяти.

- Соломия.

- Что.

- Спасибо.

- Я вам это говорю не для тревоги. Я вам это говорю для понимания. В вашем городе вы за прошлый год стали заметнее, чем была я за пятнадцать лет работы. Это не упрёк, это наблюдение. Если на вас уже начинают присматриваться от посторонних, значит, ваш выезд в Светлогорск идёт не в одиночку. С вами поедут глаза, которые вы не звали.

- Я понимаю.

- Не понимаете, - сказала Соломия ровно, без обиды. - Поймёте через две недели. Тогда вспомните, что я сказала.

- Хорошо.

Они посидели ещё минуту. Соломия допила воду, поставила кружку.

- По вашему дому пока всё ровно?

- Ровно.

- Прасковья здорова?

- Здорова. Зимой у неё всегда лучше, чем летом.

- Передайте ей, что у меня для неё с прошлой недели лежит мешочек с двумя сухими шиповниками, я их везла из Холмецкой Слободы для своих, и ей причитается. Я сейчас положу в коробку.

- Передам.

Соломия отсчитала из жестяной банки в небольшой холщовый мешочек горсть тёмно-красных, ровных ягод, завязала, положила в аптечную коробку Марины. Марина встала. У двери остановилась.

- Соломия. Если та женщина придёт ещё раз - вы мне скажете?

- Скажу. И ещё одно. Если она придёт не одна, а с другой женщиной - запомните: со второй мне ничего общего иметь не надо. Я сразу пойму, что это уже не покупательницы. Я тогда не откроюсь.

- Хорошо.

- Идите. И не задерживайтесь на улице. Снег закончился, но мороз к вечеру обещают сильный.

Колокольчик звякнул второй раз, дверь закрылась за спиной. Марина пошла по Большой Поленовской в обратную сторону, но свернула не к дому, а налево, на Кузнечный переулок.

Кузница Кузьмы Игнатъича Лопатина стояла в начале переулка, последний дом перед тем, как переулок упирался в Полевую. У ворот в эту пору горело светло-красное пятно от горна, и из открытой створки наружу тянуло крепким сухим жаром с привкусом железа. У Кузьмы в это время дня обычно работали двое: сам он у наковальни и подмастерье Тимоха у мехов. Сегодня Тимоха стоял у входа в нагольной куртке, что-то перебирая в углу.

- Здравствуйте, Тимоха. Кузьма Игнатъич у себя?

- У себя. Сейчас Марина Сергеевна, я доложу.

Через минуту Кузьма вышел из глубины кузницы. Высокий, плечистый, с обожжёнными пальцами и сильной короткой бородой пополам с сединой. В кожаном фартуке поверх рубахи. Лицо у него было сухое и обстоятельное, с обычной для него лёгкой улыбкой одним углом рта.

- Марина Сергеевна. Заходите. У меня в той комнате прибрано.

Они прошли через жаркий цех в маленькую приёмную, где у Кузьмы стоял стол, две лавки и шкафчик с готовыми мелкими изделиями: подсвечниками, замками, петлями. Сели. Тимоха принёс две кружки кипятку. Кузьма взял свою кружку обеими руками - руки у него после горна не сразу остывали и грелись о жёсть приятно.

- По делу или по соседству, - спросил он.

- По делу. По двум.

- Слушаю по первому.

- Мне в Светлогорск нужен дорожный ящик. Деревянный с железной оковкой, на замок, для бумаг и документа размером в писчий лист. Внутри по подкладке, чтобы не елозило. На замок ключ один, у меня. Размер сами рассчитайте по писчему листу формата восемь с половиной на одиннадцать вершков, толщина на сорок-пятьдесят листов с подкладкой и закладной шерстью. Когда сможете сделать?

- К четвергу. То есть к двадцать второму. У меня в работе сейчас два замка, я их отложу. Ящик в работе на день, оковка на ещё полдня. Кожу для подкладки куплю у Михайлы на Поленовской, у него есть рыжая, плотная.

- Сколько.

- За работу два с полтиной. За материал по счёту, представлю отдельно. Думаю, рубля три за всё с замком и кожей.

- Беру. Делайте.

- Сделаю.

Он посмотрел на неё. У Кузьмы была одна особенность: он умел делать паузу не для того, чтобы её заполняли, а для того, чтобы собеседник почувствовал, что у него есть второе. И Марина у него этой паузы дождалась.

- Второе дело, - сказала она.

- Слушаю по второму.

- Мне нужен заём. Двадцать рублей. До конца апреля. Под расписку без процента. С возвратом в эту кузницу лично.

- Двадцать дам.

- Без обсуждения?

- Без обсуждения. Я вам в декабре сказал: если в вашем доме надо будет, я даю без процента, потому что в вашем доме мне в шестидесятом году бабка моя жила полгода, когда у неё муж умер, а ей деваться было некуда. Хозяева Стожарские её приняли, не спросив. У меня этот долг в семье не закрыт, и я его частично закрываю на вас. Это не услуга, это не милостыня, это просто очередь по родовому счёту, который ваш дом давно ведёт без записей.

- Я не знала про вашу бабку.

- Откуда вам знать. Это шестидесятый год. Прасковья помнит, она в то время уже была в доме, она моей бабке заваривала травы от грудного. Спросите её, она вам подтвердит. Подтвердит, потому что у неё память не имеет дырок, а у меня в этой части дырок хватает, я по этому делу помню только то, что мне мать говорила.

- Спасибо, Кузьма Игнатьич.

- Не за что. Расписку?

- Расписку.

Кузьма достал из шкафчика плотный лист серой бумаги, чернильницу с пером, разложил перед ней. Марина написала такую же, как у Соломии, но без процента: «Получила от Кузьмы Игнатьича Лопатина двадцать рублей беспроцентно на срок до первого мая тысяча девятьсот шестого года. Возврат в этом доме лично. Студёный Брод, двадцатое января тысяча девятьсот шестого года. М. С. Стожарская». Подписала. Кузьма пробежал глазами, кивнул, открыл деревянный шкафчик в углу, достал замочный ящичек, отпер, отсчитал две красных бумажки по десять, положил перед ней.

- Двадцать. По расписке.

- Спасибо.

Она положила деньги в нижнее отделение сумки, к сорока Соломии. Шестидесять рублей в одной сумке - в её жизни это была сумма не самая большая, но и не самая маленькая, и сумка с шестидесятью рублями имела в её руке отдельный, плотный, обязывающий вес.

- Марина Сергеевна.

- Да.

- Можно я вам ещё одно скажу, не по делу, а по случаю.

- Скажите.

Кузьма не стал садиться удобнее. Сел чуть прямее, сложил руки на коленях. Это у него тоже было особенностью: когда он переходил к тому, что считал важным, он делал спину прямой, как будто стоял перед старшим.

- Вы в Светлогорск едете по делу с Палатой.

- По делу с Палатой.

- В Светлогорске работает по бумагам женщина по фамилии Семирядская. По имени Анна Антоновна. Она дочь моего двоюродного дяди, Антона Прокопьевича Семирядского, кузнеца, который в моих годах ушёл из Студёного Брода в Светлогорск к концу восьмисотых и там потом перешёл с кузни на бумажную работу. Он умер в семьдесят шестом году. Анна у него родилась поздно, она моложе меня лет на семь. Я её видел один раз в жизни, когда она приезжала сюда с отцом в восемьдесят первом, ей было лет шесть, мне четырнадцать. С тех

пор не встречал. По письмам знаю, что она живёт в Светлогорске одна, не замужем, работает по архивной части. Подробностей не знаю.

- Где её можно найти, если понадобится.

- В Светлогорске. Подробного адреса у меня нет. По письмам её отец писал из дома на Архивной набережной, дом восемь. Это было давно. С тех пор она могла переехать. Но Архивная набережная - не длинная улица, у вас там будет немного домов на проверку, если решите искать.

- Анна Антоновна Семирядская. Архивная набережная, дом восемь.

- По старому письму. Сейчас, возможно, иначе.

- Зачем вы мне это говорите.

Кузьма посмотрел на неё ровно.

- В Светлогорске у вас не должно быть так, чтобы вы остались без людей, к которым можно подойти. Палата - не тот дом, в который ходят пустыми. У вас там должна быть хотя бы одна дверь, в которую можно постучаться по семейной памяти, не по службе. Семирядские с моим родом одно колено. Если она вас по моей рекомендации примет - это уже не пустая дверь. Если не примет - вы по крайней мере знаете, что эта дверь есть.

- Я её запомню.

- Запомните. Только в первый разговор моё имя сразу не называйте. Скажите от Лопатиных, не от меня лично. Если она спросит - тогда от Кузьмы Игнатьича. Семирядские в нашем роду к этому ровно: у них в семье принято сначала проверить, потом признать.

- Хорошо.

- Я вам ещё кое-что напишу. Не на расписку, на отдельный лист. На случай, если ей надо будет показать.

Он взял ещё один лист серой бумаги, написал коротко: «Подательница сего, Марина Сергеевна Стожарская, по этому делу от Лопатиных из Студёного Брода. Дочери Антона Прокопьевича от двоюродного брата Кузьмы Игнатьича Лопатина. Двадцатое января тысяча девятьсот шестого года. К. И. Лопатин». Подписал, положил на лист каплю воска со свечи, прижал плоским медным круглым штемпелем с инициалами «К. И. Л.» - своим обычным мастерским клеймом. Сложил вдвое, передал Марине.

- Не вскрывайте. Передайте ей в Светлогорске запечатанным. Печать сама по себе ей скажет, от кого. Если печать сорвана - она прочтёт и подумает, что вы по дороге вскрывали. Это в нашем роду считается некрасиво.

- Не вскрою.

Марина положила сложенный лист с восковой печатью в боковой карман сумки, отдельно от денег, под подкладку.

- Кузьма Игнатьич.

- Да.

- В нашем разговоре сегодня прозвучали два имени Семирядских. Антон Прокопьевич - ваш дядя. Его дочь Анна Антоновна - в Светлогорске. У Антона Прокопьевича в Студёном Броде в начале восьмисотых годов была родня, связанная с Феокистом Стожарским?

Он не сразу ответил. Помолчал. Это была не та пауза, в которой собеседник проверяет на понимание; это была пауза, в которой человек поднимает в голове старые слои.

- Была. Была у него сестра, старшая, по имени Дарья. Она вышла замуж за Колосова, в семидесятые годы восьмисотых. Дарья умерла молодой, в начале нулевых девятнадцатого века, точной даты не знаю. У Дарьи была дочь, Анна. Дарья и Анна. Анна Колосова. Я в детстве слышал это имя от своей бабки в одном ряду с именами Феокиста и Зинаиды. Дома Зинаиду, кажется, звали Лукерьей. Бабка говорила про них как про тех, кого «у нас в семье не поминают, потому что не пришло время».

- «Не пришло время».

- Это её слова. Что она имела в виду - не знаю. Когда я был мал, я не спросил. Теперь не у кого.

Марина медленно положила обе руки на колени. У неё в голове сейчас выстраивался не один ряд, а два. На листе «Б» из подвала Стожарских стояли шесть имён: Корнилов Аркадий, Стожарская Зинаида, Стожарский Феокист, Колосова Анна, Шумилова Дарья, Семирядский Антон Прокопьевич. Из них трёх она уже понимала по родовой связи. Феокист - прямой Стожарский, чью линию в бумагах увели через холмецкую запись. Зинаида - его дочь, на листе под реестровым именем, в доме - Лукерья. Семирядский - регистратор, чьё имя она впервые услышала от Прасковьи в субботу. Сейчас Кузьма ей называл четвёртое: Колосова Анна - племянница Антона Прокопьевича, дочь его сестры Дарьи. Дарья Колосова - пятое имя на листе. И только Аркадий Корнилов - первое имя списка - в этом круге не складывался ни с кем известным.

Кроме - и это её к этой минуте уже не удивляло - Лидии Орловой. Лидия в Студёном Броде с пятого декабря. Лидия по матери из Корниловых. Дед Лидии - Аркадий Тимофеевич Корнилов.

Тот же Аркадий Корнилов. Лист с шестью именами составлен в восемьсот шестом году. От восемьсот шестого до девятьсот шестого - ровно сто лет.

Лидия в Светлогорске должна явиться в Палату восемнадцатого марта. Срок Палаты на её грамоту. Не случайно.

- Кузьма Игнатъич.

- Да.

- Я возьму с собой в Светлогорск ваш ящик к четвергу и ваш лист с печатью к Анне. Если у меня сложится так, что Анну Антоновну Семирядскую и Лидию Орлову я смогу свести в одной комнате - в Светлогорске или после - я это сделаю.

- Сведите. По моему чутью, у них в одной комнате найдётся, о чём говорить, даже если они друг друга в первый раз увидят.

- По вашему чутью.

- По нему.

Марина встала. Закинула сумку на плечо. У двери приёмной обернулась.

- Спасибо.

- Не за что. Идите, у меня горн остывает.

В цехе при выходе пахло снова горячим железом. Тимоха у мехов поклонился, не отрываясь от ручки. У ворот Марина задержалась на минуту, посмотрела на дорогу: к двенадцати с половиной дня небо стало чуть светлее, тени от плетней легли длинные, голубоватые. Снег под ногами скрипел сухо.

Дорога к дому шла мимо лавки Стожарских. Окно лавки светилось ровно, в нём за стойкой сидела Арина с тетрадью; перед ней стояла Полинина знакомая, в платке и шубе, и они о чём-то спокойно говорили. Марина в окно зайти не стала. Дочь работала, работа шла, и заходить в её рабочий час - значило бы давать знак, что мать недоверяет дочери в её доме.

Дома Прасковья встретила её в сенях.

- С деньгами?

- С шестьюдесятью.

- К Соломии больше не пойдёшь?

- Не пойду. Сорок и двадцать. Хватит на дорогу. На Светлогорск там посчитаем.

- Кузьма что сказал?

- К четвергу будет ящик. И назвал имя дочери Антона Прокопьевича. Анна Семирядская. Светлогорск, Архивная набережная, дом восемь, по старому письму. И дал мне запечатанный лист к ней.

- Подержи лист отдельно от пакета. Если вскрыется по дороге - беда.

- Я его в подкладку, под полынь твою.

- Хорошо.

Они вошли в кухню. Лидия сидела у окна с переписанным набело листом записи разговора Прасковьи о Феоктисте и Зинаиде-Лукерье. Чернила ещё блестели. Лидия подняла голову.

- Я закончила. Прасковья посмотрела, поправила в двух местах. Сейчас высохнет, я сложу к себе.

- Вечером соберём пакет. Я к четырём начну писать описание по памяти. Прасковья на чистый чай не варит, варит на крепкий, мне сегодня надо ясную голову.

- Сваришь на крепкий, - сказала Прасковья. - Сядешь не к столу, а к маленькой конторке у окна, там у тебя свет ровнее.

- Сяду.

Марина положила сумку с шестьюдесятью рублями на верхнюю полку шкафа, рядом с холщовым мешочком полыни Агнии. Зола, до этого сидевшая у окна, проводила её движение глазами, спрыгнула, прошла к шкафу, села под ним. Это означало, по её привычке, что место теперь под её охраной.

В кухне пахло сухим хлебом, горячей водой и едва уловимо - кожей от Кузьмы, оставшейся на рукаве шубы Марины. Прасковья принесла второй чайник. День перевалил за середину. В Светлогорске у Анны Антоновны Семирядской, по архивной набережной, дом восемь, продолжалась её собственная, ещё незнакомая Марине, рабочая среда января.

Глава 5. Пакет и Глеб

Среда, двадцать первое января. К полудню Кузьма прислал записку с Тимохой: ящик в работе, к четвергу к обеду будет готов с замком и кожей. Утро прошло у Марины за конторкой у окна наверху, в её рабочей комнате. Лидия сидела рядом с тетрадью переписанных вчерашних разговоров, Прасковья внизу с Ариной разбирали лавочные счета за неделю и попутно прикидывали, как Арина в отсутствие хозяйки будет вести запись по постоянным.

Описание по памяти Марина начала писать с шести утра. К полудню перед ней лежал лист, исписанный с обеих сторон ровным её рабочим почерком, и черновик второй редакции, в котором она вычёркивала и переписывала каждый второй оборот.

Главная сложность была не в том, чтобы рассказать, что в листе. Главная сложность была в том, чтобы рассказать так, чтобы Сомов, читая это, понимал: у Стожарской на руках есть документ, который она ему не показывает, и не показывает не из страха, а из права. И при этом - чтобы из самого описания не выводилось, какой именно это документ, в каком виде он сохранился и где хранится.

К полудню у неё был такой текст. Начинался он строкой: «Сим удостоверяю, что в личном архиве хозяйства Стожарских по Студёному Броду имеется документ реестрового образца, относящийся к первому десятилетию девятнадцатого века, составленный по форме закрытой части тогдашнего светлогорского архива записей. Документ содержит шесть имён, относящихся к лицам, проживавшим в Студёном Броде и Холмецкой Слободе в указанный период. Имена в настоящем описании не приводятся, поскольку их разглашение могло бы повредить интересам ныне живущих родственников по родовой линии». Дальше шло три абзаца про юридическую форму документа без упоминания знака ласточки и без указания на дефект подписи. Заканчивалось так: «Документ хранится в условиях, обеспечивающих его сохранность. Подлинность готова подтвердить лично в присутствии и для нужд светлогорской Палаты при необходимости. Студёный Брод, двадцать первое января тысяча девятьсот шестого года. М. С. Стожарская, хозяйка дома».

Марина перечитала ровно три раза. Потом отложила перо, спустилась к Прасковье.

- Прочти.

Прасковья читала медленно, ведя пальцем по строчкам, как умели читать в её поколении. Закончив, отложила лист на стол.

- Хорошо. Только в одном месте подправь.

- Где.

- «Подлинность готова подтвердить лично». Не «лично». «По собственному усмотрению хозяйки дома». «Лично» означает, что ты сама пойдёшь и предъявишь по их просьбе. «По собственному усмотрению» означает, что покажешь, если посчитаешь нужным. Для них разница не сразу видна. Для тебя в кабинете - вся разница.

- Поправлю.

- И ещё. «Интересам ныне живущих родственников по родовой линии» - это слишком расплывчато, они зацепятся. Напиши «интересам ныне живущих родственников по нескольким родовым линиям, не имеющим между собой прямой связи в семейном отношении». Эта формулировка их собьёт. Они начнут гадать, какие линии. Пока гадают - не выясняют главного.

- Поправлю и это.

- Больше нигде не лезу. Остальное по делу.

Марина вернулась наверх, переписала набело с двумя поправками. Получилась чистая страница с одной стороны. Подписалась снизу. Положила на отдельный угол стола под пресс-папье. Это был тот самый «девятый лист», который в пакет к восьми обязательным не входил,

а лежал в верхней папке у неё на коленях для предъявления или непредъявления в кабинете по её решению.

К часу пришёл Глеб. Без письма, без записки заранее. Просто стук в дверь, два коротких, один длинный, и в сенях знакомый его голос: «Я с дороги, замёрз, пустите».

Прасковья пустила, приняла шубу, сразу повесила на крюк ближе к печи, чтобы оттаивало. Глеб прошёл в кухню, как у себя; в этом доме за два месяца у него выработалась привычка не спрашивать «куда», а идти сразу к плите, тереть руки и греть пальцы, прежде чем здороваться по-настоящему. Сегодня было так же.

Марина спустилась через минуту. Они посмотрели друг на друга через стол. Не обнялись. У них в этом доме на людях обнимать друг друга было не принято - не из стесняемости, а из того, что и Прасковья, и Лидия, и Арина считались своими, при которых лишние жестов не нужно, потому что у всех есть глаза и они сами видят, что между Мариной и Глебом не пустое.

- Ты вчера не приехал.

- Не приехал. У меня вчера в Сорочьей Гати был межездный сход по полицейской части. Вернулся ночью, к утру не успевал к вам. С утра в управлении. К вам сейчас на час.

- На час.

- На час. К четырём мне обратно. Я обедал по дороге, не корми.

- Чай.

- Чай возьму.

Прасковья налила, поставила. Села к плите, не уходя из кухни, потому что разговор был общий, не вдвоём. Лидия осталась наверху, заранее предупредив, что в свои разговоры с Глебом Марина её не звала, и она в кухню сегодня сходить успеет позже.

- По уведомлению, - начал Глеб. - Я получил вчера утром в Сорочьей Гати письмо от своего связного по светлогорской линии. Письмо не служебное, не идёт по моей подчинённости, идёт от частного человека, у которого ко мне свой долг по прошлому делу. Я тебе перескажу слово в слово, потому что письмо я по своему обычаю прочёл и сжёг. На бумаге у меня его нет.

- Слушаю.

- В Светлогорске у Сомова есть указание сверху. Не из его палаты, из вышестоящей. Указание, которое в его палату пришло в виде ответа на его собственный запрос от середины декабря. Он спрашивал, как поступать с лицами, имеющими в роду линию вычеркнутых при наличии у них живой связи с местами хранения старых документов. Ответ пришёл в виде распоряжения держать таких лиц на коротком, но не предъявлять им обвинений до тех пор, пока не получена возможность ввести их в положение, в котором они согласятся передать архивные материалы добровольно. То есть его инструкция - не ловить, а ловчить. Делать так, чтобы ты сама принесла.

- Это я подозревала.

- Подозрение и подтверждение - две разные вещи. Я тебе говорю подтверждение. Из этого следует одно: Сомов с тобой будет очень вежливым. Он не пойдёт на резкость. Он не будет на тебя давить открыто. Он будет создавать положение, в котором ты сама захочешь добавить к пакету то, что у тебя в нём нет. Он будет, грубо говоря, тебя уговаривать через мягкое.

- Я готова.

- Подожди, я не закончил. У него под рукой есть инструмент. Не публичный, в обиходе у его подчинённых известный как «параллельное предложение». Это когда Палата официально вызывает на одно дело, а в кабинете предлагает решить попутно второе. Второе обычно касается твоего дома. По моему пониманию, Сомов вторым делом тебе предложит превратить дом Стожарских в опорный пункт светлогорской Палаты на нашем уезде. С тебя при этом снимут половину налоговых отчётов и обещают защиту по любым проверкам. Взамен - дом перестанет быть твоим. Он станет филиалом.

- Это в их инструкции прямо так и написано?

- Так не написано. Так выходит из практики. В Холмецком уезде в прошлом году похожее сделали с домом Тереховых. Тереховы согласились. Тереховых сейчас нет.

- В каком смысле нет.

- В смысле, что дома Тереховых в Холмецкой больше нет как самостоятельного хозяйства. Есть филиал светлогорской Палаты под названием «дом Тереховых», в котором живут двое формальных хозяев из старого рода и одиннадцать сторонних служащих. Хозяева получают пенсию и право подписи по бытовым делам. По хозяйственным - подпись Палаты. Это, по сути, конец рода как самостоятельной единицы. Но юридически Тереховы остались в реестре, у них есть имя, у них есть дом. Многие со стороны не сразу видят, что дом уже не их.

- Сомов мне предложит то же.

- Предложит. И я тебе сразу говорю: я знаю, что ты откажешься. Я не сижу здесь, чтобы тебя в этом убеждать. Я сижу здесь, чтобы ты заранее знала, в какие именно слова он это завернёт. Он не назовёт это «филиалом». Он назовёт это «партнёрством» или «договором о содействии». Он будет напирать на то, что для тебя это снимает нагрузку, для дома - даёт защиту, а для дочери Лидии - открывает возможность остаться при доме, не уезжая в Светлогорск. На последнее он тебя будет ловить особенно.

- Я понимаю.

- Понимаешь. Тогда дальше. По моей линии. Я в Светлогорск еду с тобой не как при тебе.

- Я знаю.

- Я еду по своему делу, не связанному с твоим. У меня в Светлогорске встреча по реорганизации Северного предела. С июня наш округ переходит на двойное подчинение. Это означает, что моя должность с июня будет либо повышена, либо упразднена. Об этом я узнал на той неделе. В Светлогорск я еду решать эту часть.

- А я в каком положении в Светлогорске - при тебе или нет.

- Не при мне. Мы официально едем в одной партии, потому что иначе мне пришлось бы ехать на сутки раньше или позже, и это выглядело бы странно. Поэтому едем вместе. Селимся раздельно. Я в наместничьем доме на Соборной, ты в постоялом дворе у северного моста, мы для этого выбрали постоялый, где есть приличные комнаты для женщин. По делам нас в одном кабинете быть не должно. Если получится, иногда обедаем вместе. Если не получится - не обедаем. По моему сейчас положению я не могу рекомендовать тебя кому бы то ни было в Светлогорске официально. Я могу свести тебя по личной линии с одним-двумя людьми. Не более.

- Я понимаю.

- Это всё по службе.

- Хорошо. Теперь по тебе.

Глеб поставил кружку, посмотрел на неё. Прасковья встала, тихо вышла за чем-то на крыльцо. Это у неё в доме означало - дать им две минуты говорить как двоим, не как трём.

- По мне ничего нового, - сказал Глеб. - Я с этой реорганизацией боюсь не за должность. За должность я не боюсь, я не из тех, кто живёт ради погон. Я боюсь за то, что с июня мне могут предписать перевод. Светлогорск или дальше. Это разговор не на эту неделю. Это разговор на конец весны. Я тебе сейчас просто говорю, чтобы ты в Светлогорске не строила в голове картину, в которой я в нашем городе остаюсь до самой осени по службе. Возможно, останусь. Возможно, нет. Если переведут - буду думать, как мы.

- Если переведут.

- Если переведут.

- Я тебя в Светлогорске не отговариваю и не отговариваюсь от тебя. Я говорю одно: домом я в любом случае не торгую. Если Сомов сделает мне ту самую развилку через дочь - я её пройду. Если у меня в результате прохода будет меньше, чем сейчас, я с этим меньше буду жить. Дом - это не место, это институт. Я этому училась у Прасковьи и у Агнии. Дом, превра-

щённый в филиал, перестаёт быть институтом и становится конторой. Контора в моём роду не нужна.

- Я знаю.

- Я с тобой по дороге в Светлогорск буду разговаривать по делу. По телу - тоже, насколько это в наших обстоятельствах возможно. Но я не буду торговаться твоим переводом и не буду себя в Светлогорске выставять при тебе. Если меня там увидят при тебе - то увидят при тебе один раз, не два.

- Так и я тебя при себе не выставляю.

- Тогда мы поняли друг друга.

- Поняли.

Они посидели с минуту молча. В сенях стукнула дверь - Прасковья возвращалась.

- Глеб, - сказала Марина быстрее.

- Да.

- Аделаида Петровна Кудельникова. Урождённая. Мать Сомова. Имя.

Глеб посмотрел на неё. У него на секунду губы сжались тоньше обычного - не в гневе, в досаде, как у человека, который услышал то, что должен был сам узнать, но не узнал.

- Откуда?

- Голощёкин вчера в сенях.

- Голощёкин. Зачем.

- Снят с дела, не должен ему. Личная корысть. Хочет, чтобы у меня в Светлогорске были глаза.

- Аделаида Петровна Кудельникова. - Глеб повторил негромко, для себя. - У меня в материалах этого имени не было. У меня по Сомову подбирали служебную линию, по матери ничего не запрашивали. Это упущение моих людей. Я это выясню по своей возвращении в управление. Прасковья.

Она вернулась, села. - Что.

- Кудельниковы в Холмецком уезде вели книгу регистраций по чужим хозяйствам в первой половине девятнадцатого века. Это так?

- Так.

- В этой книге был оформлен Феоктист Стожарский как приписанный к чужому хозяйству.

- Был.

- Подпись Петра Кудельникова, деда Аделаиды Петровны.

- По моему пониманию, его.

Глеб откинулся к спинке. На минуту замолчал. Потом сказал, не обращая ни к кому конкретно:

- То есть Сомов с тобой по делу Лидии Орловой связан не только по светлогорской Палате через дело о грамоте. Он с тобой связан по семейной линии прямо через лист, на котором стоит имя Феоктиста Стожарского. Его прадед по матери оформил холмецкую запись по линии Феоктиста. Через несколько лет имя Феоктиста ушло в реестр вычеркнутых. Сейчас, через сто лет, его правнук занимается делом, которое прямо касается остатков той самой линии.

- Так.

- И он этого, по моему чутью, не знает. У него в материалах по тебе таких глубоких выписок не делали. Они на тебя смотрят как на одиночную хозяйку с Лидией, принятой под кров, и одной коробкой в подвале. Имени Феоктиста у них в материалах нет, потому что Феоктист в формальных бумагах Стожарских не значится как хозяин основной линии, он по бумагам относится к холмецкому хозяйству боковой ветви, а это другая запись.

- То есть я о нём знаю то, чего он о себе и обо мне не знает.

- Так. И это - твоё лучшее преимущество. Сохраняй. Не выпускай. Особенно в первом разговоре. В первом разговоре он будет тебя прощупывать, чтобы понять, на каком уровне ты вообще понимаешь связи. Если ты с первой встречи покажешь, что знаешь про Кудельниковых и Феоктиста, - ты сольёшь это преимущество за пять минут. Он тут же выправит.

- Я не покажу.

- Не показывай. Держи в себе.

- Держу.

Глеб помолчал. Потом, уже к Прасковье:

- Прасковья, я выйду на минуту в подвал. Я подвал ваш не люблю, но мне нужно посмотреть на коробку своими глазами. По описанию Марины я её представляю не до конца.

- Спустись. Ничего не трогай. На печать рукой не клади. Если хочешь - я с тобой.

- С вами.

Они спустились вдвоём. Марина осталась в кухне у плиты с пустой кружкой, к которой больше не прикасалась. Через семь минут вернулись. Глеб шёл первым, у Прасковьи за спиной. Лицо у него было ровное, но в нижней челюсти стояло напряжение, какого у него обычно не бывало.

- Видел?

- Видел.

- И?

- И ничего. Я не верю в то, во что верит Прасковья. Я в этом доме не вижу того, что видит Прасковья. Но я вижу, что у коробки на печати действительно три пятна. Два светлых и одно тёмное с контуром буквы. Я не могу это объяснить ни одним из известных мне способов. Объяснений у меня к этому нет. Поэтому я к этому не подхожу с объяснениями. Я к этому подхожу как к факту. Факт: к моменту твоего отъезда в Светлогорске на коробке три пятна. Третье не прочитывается. Значит, в Светлогорске или прочтётся, или не прочтётся. И моё дело сейчас не объяснять, а в любом из этих случаев быть в нужном месте.

- Хорошо.

- Я приеду в субботу к утру. Двадцать четвёртого. Помогу с укладкой. Привезу свою служебную сумку. У меня в ней есть отделение, в котором я могу везти твой запечатанный лист с печатью Кузьмы. Лист в моей сумке безопаснее, чем в твоей: мою служебную сумку на постое не вскрывают.

- Хорошо.

- К четырём ушёл.

- Иди.

В сенях он остановился у вешалки. Накинул шубу. Посмотрел на Марину. Не сказал ничего. Она тоже не сказала. Они просто посмотрели друг на друга секунды три, и в этом взгляде у каждого из них было то, что лучше всего держится между людьми именно в молчании: я тебя помню, ты меня помнишь, идём по делу.

Он вышел. На крыльце ещё раз обернулся.

- Марина.

- Да.

- Если на коробке проявится имя до субботы - дашь мне знать. Не пиши на бумаге. Скажи Прохору, он завтра вечером будет в Сорочьей Гати, через него передашь устно: «третье читается». Без подробностей.

- Скажу.

- Иди в дом, холодно.

Она вошла. Прасковья закрыла за ней дверь, повернула запор.

- Что он сказал в подвале, когда увидел коробку?

- Ничего. Долго стоял молча. Потом сказал: «Я не хотел этого видеть, и теперь хорошо, что увидел». И всё.

- Хорошо.

Марина прошла в кухню, села к столу. Лидия сошла со ступеней через минуту, села рядом. Прасковья поставила третий чайник на жар.

- Завтра, - сказала Марина, - я допишу опись по основному пакету. Послезавтра ящик от Кузьмы. В пятницу - укладка. В субботу - Глеб. В воскресенье ночью - последняя ночь в доме до выезда. В понедельник в шесть утра выходим. Дорогу разбили по четырём суткам. Постои у нас по карте - Звонкий Овраг, Холмецкая Слобода, Сорочья Гать. В Холмецкой задерживаемся на четыре часа дольше обычного, чтобы я с Кузьмой связалась насчёт одной справки. В Сорочьей Гати ночуем на пятый день вечером и в шесть утра последний рывок в Светлогорск.

- Хорошо.

- Прасковья, что у тебя из сборов уже готово в дорогу?

- К завтра доберу. Сегодня вечером покажу.

- Лидия. Что у тебя из бумаг к описи у меня будет дополнительно лежать твоей рукой?

- Перепишу набело свидетельство о крещении из храма святого Власия, копию завещания матери, опись имущества Орловых на момент моего совершеннолетия. Это три листа. К пятнице будут готовы.

- Хорошо.

Они сидели втроём в кухне. За окном начались ранние сумерки. В подвале три пятна. К концу недели надо было собрать пакет, ящик, людей, дорогу. К двадцать шестого выйти. К десятому февраля - Светлогорск.

Зола вошла в кухню из сеней, посмотрела на каждую из трёх, по очереди, и легла под стол у ног Марины. Голову положила на ботинок. Это у неё было редкое.

Глава 6. Прохор и пуговица

Четверг, двадцать второе января. К полудню Тимоха привёз ящик от Кузьмы. Дубовый, тяжёлый, оковка по углам и по верхней крышке полосами в палец шириной, замок одинарный с прямым ключом, внутри подкладка из рыжей плотной кожи с двумя простёганными карманами по сторонам. Кузьма прислал записку: «Ключ при ящике, второй у меня в кузнице на случай. Если потеряете в дороге - в Сорочьей Гати у моего знакомого Степана Парамоновича Барышева, кузница на Озёрной, ключ можно перебить за день. К. И. Л.»

Марина приняла ящик в сенях, расплатилась с Тимохой - три рубля по уговору. Тимоха ушёл, не задерживаясь.

Ящик внесли в кухню, поставили на лавку. Прасковья тщательно осмотрела изнутри, провела пальцем по швам кожи, по замку, по петлям. Кивнула.

- Кузьма не подвёл. Ровно.

- Я и не сомневалась.

Лидия сошла со второго этажа с тремя готовыми листами своей бумаги. Свидетельство о крещении - переписанная начисто копия с заверкой храма святого Иоанна Богослова в её родной слободе под Ярославлем. Копия завещания матери - на двух листах с её детским подчёрком, потому что подлинник у неё с собой был не в виде грамоты, а в виде писем, и она его восстанавливала по памяти и сверке с собственными ранними тетрадями. Опись имущества Орловых на момент совершеннолетия Лидии - короткая, на полстраницы. Имущества было немного: дом в слободе, который к её совершеннолетию уже был продан за долги, и ящик с матерью оставленными личными вещами, который ехал с ней по нескольким городам в течение двух лет и сейчас стоял в её комнате наверху.

- Положу к остальному, - сказала Лидия и положила свои три листа на верхнюю полку шкафа, рядом с папкой основного пакета. - Когда у вас будут готовы свои восемь, мы их сложим вместе и опишем.

- К пятнице. У меня сегодня доделать опись по Голощёкину и копию доверенности от Заостровского.

К двум часам Марина ушла на верх, к конторке. Прасковья в кухне с Ариной разбирала, как Арина будет в её отсутствие держать запись по постоянным клиенткам, у которых сборы оплачены вперёд за месяц. Их у Стожарских было одиннадцать: семь в Студёном Броде, три в окрестных деревнях, одна в Холмецкой Слободе. Этим одиннадцати Арина должна была раз в неделю выдавать готовые сборы по графику. К концу разговора Прасковья прикрепила к стене у плиты лист с расписанием: пять имён по понедельникам, четыре - по средам, две - по пятницам. Под каждым именем место для отметки и подписи получившей.

Кончили к трём. В это время в сенях раздался стук - один длинный, два коротких. Это был не глеба, это был Прохор.

Марина услышала стук с верху, узнала, спустилась. Прасковья уже стояла у двери, но не открывала, пока хозяйка не подошла. В этом доме открывала дверь только хозяйка, если хозяйка была дома.

- Аким Васильич с тобой? - спросила Марина через закрытую дверь.

- Без него. Один. По-своему.

Она открыла. На крыльце стоял Прохор в служебной шубе без знаков, без шапки - шапку он, видимо, нарочно снял, чтобы не выглядеть на чужом пороге официально. В руках у него был сверток в тёмной тряпице, неровный, размером с небольшую тетрадь.

- Не уйти ли мне в сени, - сказал Прохор тихо, - чтобы никто с улицы не видел.

- Войдите.

Он вошёл, дверь Марина за ним закрыла, в дом дальше не позвала. Прасковья стояла за её плечом. Прохор посмотрел на обеих, ровно, без излишней тревоги, но с тем выражением, какое бывает у человека, который пришёл сделать одно дело и хочет уйти, не оставляя следов.

- Марина Сергеевна. Я к вам не от Голощёкина. Я к вам от себя. На пять минут. По одному вопросу.

- Слушаю.

- У меня покойная тётка по матери, Феодосия Гавриловна Шумилова. Умерла в восемьдесят девятом году. У неё в её доме оставалась тетрадь. Эту тетрадь после её смерти разобрала моя мать вместе со мной, я тогда был молод, лет двадцати, и мы из её бумаг отобрали то, что относилось к семье, остальное оставили в коробке на чердаке. Коробку с её бумагами я в последний раз открывал лет пять назад, когда мать болела, и думал, что в этой коробке может быть что-то про родню по тёткиной линии. Не нашёл. Закрыл и больше не открывал.

- А сейчас открыли.

- Открыл вчера. После того, как Аким Васильич мне рассказал по дороге обратно из вашего дома, что у вас в доме готовится выезд в Светлогорск и что в Светлогорске у Палаты есть к вам, как он сказал, длинный список. Я тогда дома вечером сел и стал перебирать. Перебирал до половины ночи. И нашёл вот это.

Он положил свёрток на маленькую скамеечку в сенях, развязал тряпицу. Под ней оказалась тетрадь в кожаном переплёте, не толстая, листов на сорок. Переплёт тёмно-вишнёвый, с потёртостями. На передней крышке - выдавленные две буквы: «С. Л.». Без точек, прямо одна за другой.

- Тетрадь моей тётки. Она её сама вела. Тётка, как я уже сказал, в восемьдесят девятом умерла. Тетрадь начата в семидесятых, по виду. Записи внутри велись от руки тёткой, и в них - имена. Не её родственников. Имена чужих людей, по большей части. С пометками рядом: «передано», «не пришёл», «отказано», «принято». Я тетрадь прочёл за два часа. Понял, что моя тётка в восьмидесятые годы была кем-то вроде неофициального хранителя списка людей, которые в эти годы по светлогорской линии искали родовых документов, утерянных или изъятых в прошлом веке. Имена записаны коротко. Пометки рядом с каждым именем коротки тоже. На полях иногда стоят даты. Я не специалист по этому, я писарь у Голощёкина, я в этом не разбираюсь. Но я понял одно: эта тетрадь не должна остаться в моей коробке на чердаке. Она должна быть у вас.

- Почему у меня.

- Потому что в этой тетради на двадцать второй странице, я отметил закладкой, записаны три имени с пометкой «Стожарские, Студёный Брод». В скобках. Без расшифровки. Просто три имени с пометкой, что эти люди ищут что-то в Студёном Броде через дом Стожарских. По годам - это семьдесят восьмой год. К тёткиной смерти эти три имени не закрыты ни одной пометкой. Что с ними дальше - я не знаю. Я этих имён не знаю ни одного. Может быть, вы их знаете. Может быть, нет.

Марина смотрела на тетрадь молча. Потом подняла глаза на Прохора.

- Почему вы это передаёте мне сейчас, на пороге, не входя в дом.

- Потому что я служу у Голощёкина и я к нему привязан и я ему верный человек. Аким Васильич мне говорил вчера в санях, как ехали обратно, что он по делу с вами снят и пришёл к вам с честной корыстью. Это его слова. У меня нет корысти. У меня в сундуке лежит тетрадь, которая, если останется у меня, ничего не изменит. Если попадёт к вам - может изменить что-то. Это всё, что я понимаю в этом деле. Если я её отдам, я об этом не доложу никому, ни Акиму Васильичу, ни в Светлогорск. Если меня спросят - не было её. Если найдут у вас - я скажу, что не знаю, как к вам попала. Это будет моё слово против вашего, если до этого дойдёт. До этого, скорее всего, не дойдёт.

- Прохор Тимофеевич.

- Да.

- Я возьму. Спасибо.

- Не за что. Я ещё одно скажу. Тётка моя в этой тетради ничего не объясняет. Объяснений нет. Есть только список и пометки. Если у вас в Светлогорске тетрадь спросят - её у вас нет. Если она вам нужна как справочник в дорогу - возьмите с собой, но в пакет не вкладывайте. В ящик у вас, я слышал по Тимохе, есть кожаные карманы по бокам. Положите её туда. Если в дороге ящик откроют - тетрадь под подкладкой не сразу видна.

- Я учту.

- И ещё. Я в эту тетрадь больше не загляну. Я её передаю и забываю. Если что-то по ней понадобится - спрашивайте через мою мать, не через меня. Моя мать живёт у меня же в доме, ей шестьдесят два года, по-славянски ничего не понимает в этих делах, но она в восемьдесят девятом разбирала тёткины бумаги вместе со мной и помнит. Через неё спрашивайте. Через меня лучше нет.

- Я учту и это.

- Я пойду. Меня к четырём в управление.

- Идите.

Он завязал тряпицу обратно вокруг тетради, передал свёрток в руки Марине, наклонил голову не до конца, как наклоняют люди, которые признают за собеседником положение, но не выше своего. Открыл дверь сам, вышел, прикрыл за собой. Через две минуты с улицы донёсся стук копыт - одна лошадь, не сани, рысью.

Марина закрыла запор. В сени за ней стояла Прасковья.

- Прасковья.

- Что.

- Шумилова. Феодосия Гавриловна. С. Л.

- «С. Л.» - старое надомное обозначение, его в восьмидесятых годах в этих местах ставили на тетрадях те, кто вёл «список лишённых». Лишённые - это были люди, потерявшие в восьмисотых-семидесятых годах права по реестру вычеркнутых. К концу восьмидесятых их потомки в иных уездах начали тихо собираться и пытаться через частных хранителей искать свои родовые бумаги. Шумилова была одной из таких хранительниц. Я о ней слышала, но не знала, что у неё была тетрадь и что она пережила к нашему времени.

- На листе у Агнии - Шумилова Дарья.

- Может быть, прабабка этой Феодосии. Может быть, не прямая, а боковая родственница. Я не помню точно линии Шумиловых. У них в семье в восьмисотых годах было много дочерей, и часть выходила в Холмецкую Слободу, часть в Сорочью Гать, часть оставалась в Студёном Броде. Если в тетради записаны имена, мы их вечером разберём.

- Разберём.

Они прошли в кухню. Тетрадь в тряпице Марина положила на стол. Развернула. Кожаный переплёт, тиснёные «С. Л.», углы потёрты. Открыла на двадцать второй странице, где Прохор заложил полоской бумаги.

На странице - три имени. Кириллицей, ровным некрасивым почерком:

«Тереньев Михайла, плотник, ищет деда Корнилова Аркадия по матери, не нашёл. С. Б., 78 г., летом.

Парамонова Глафира, вдова, ищет мать Шумилову Дарью по сестре, не нашла. С. Б., 78 г., осенью.

Колосов Илья, дьячок, ищет сестру отца Колосову Анну, не нашёл. С. Б., 78 г., зимой».

Под каждой записью - короткая пометка без расшифровки: «не пришёл», «отказано», «принято к сведению, передано Стожарским».

Марина читала медленно. Потом подняла глаза на Прасковью.

- Прасковья.

- Что.

- Из шести имён на листе Агнии в этой тетради ищут троих. Корнилов Аркадий. Шумилова Дарья. Колосова Анна. Это половина списка.

- Половина.

- И все три искавших - не родственники тех, кого ищут, а боковые. Дальние. Не прямые потомки.

- Так и было. Прямые в этих местах к тому времени уже все умерли. Оставались боковые - племянники, внуки сестёр, дальняя родня.

- И в пометке у одного из трёх: «принято к сведению, передано Стожарским». Это значит, что в семьдесят восьмом году Шумилова Феодосия передавала запрос Колосова Ильи кому-то в нашем доме. То есть в семьдесят восьмом году в доме Стожарских ещё кто-то занимался этими делами по линии реестра вычеркнутых.

- В семьдесят восьмом году в этом доме хозяйствовала моя предшественница, Аграфена Никитична. Она занималась. У неё была память, которой у меня нет. Она умерла в восемьдесят втором. После неё в доме осталась небольшая папка с записями по таким запросам. Папка лежит у меня в моей комнате под комодом. Я в неё не заглядывала лет двадцать. Сегодня вечером посмотрю.

- Посмотрите.

Лидия за всё это время сидела у окна с пером и третьим листом, ещё не дописанной описью имущества родителей. Она тетрадь не трогала, в неё не заглядывала, но всё слышала. Сейчас положила перо, обернулась.

- Можно мне взглянуть, когда вы закончите?

- Сейчас, - сказала Марина. - Прасковья, я ещё раз пробегу по странице, потом передам Лидии.

Лидия пересела ближе. Через минуту тетрадь оказалась в её руках. Она прочитала запись на двадцать второй странице медленно. Потом перевернула на двадцать третью. На двадцать третьей было ещё четыре имени, и под одним из них - «Орлов Сергей Аркадьевич, племянник Корнилова Аркадия по сестре, ищет деда. С. Б., 79 г., весной. Принято к сведению. Передано Стожарским».

Лидия смотрела на эту запись секунд десять. Потом без выражения положила тетрадь обратно на стол.

- Сергей Аркадьевич Орлов. Это был мой дядя по матери. Он умер в восемьдесят четвёртом. Я его не помню, я родилась в восемьдесят пятом. Мать говорила про него только то, что он много ездил и искал семейные документы по деду. Я раньше не понимала, какие именно. Сейчас понимаю.

- Лидия.

- Да.

- Ваш дядя был в Студёном Броде в семьдесят девятом году весной. Он сюда приходил искать своего деда, Корнилова Аркадия. Через нашу домовую линию. До меня этот запрос не дошёл, потому что меня тогда здесь не было. Через Прасковью - не дошёл, потому что Прасковья тогда занималась травами, не бумагами. Дошёл, по всей видимости, до Аграфены Никитичны, моей предшественницы. И там, в её папке под комодом, лежит сейчас, я надеюсь, ответ на запрос вашего дяди двадцатисемилетней давности.

- Я не плачу, - сказала Лидия. - Не потому, что мне не тяжело. Просто слёзы у меня в эти дни не идут. Они придут позже.

- Они придут в Светлогорске, - сказала Прасковья. - Там у тебя для них будет место.

Лидия молча кивнула.

Марина встала, прошла к шкафу, достала второй чайник, поставила. Прасковья смотрела на огонь в плите. В кухне держалась тишина, в которой ничего не нужно было говорить, потому

что то, что сейчас сказало, требовало времени, чтобы улечься, прежде чем сверху положить следующее.

К пяти Прасковья поднялась к себе в комнату. Через четверть часа спустилась с небольшой папкой из выцветшей серой бумаги, перевязанной серой же тесьмой. На крышке размытым старым чернилом: «Запросы по линии реестра. А. Н. С. Стожарская. 75 - 82».

Положила на стол. Распустила тесьму.

В папке оказалось одиннадцать листов. Все - короткие записи в одну сторону, ответы по запросам. На третьем листе сверху: «Орлов С. А., запрос по деду Корнилову А. Т. Ответ: дед Корнилов А. Т. в реестре закрытой части, лист «А-III-47», ответа дать не могу по форме закрытости. На словах могу подтвердить: упомянутого деда поминают в этом доме в храме святого Власия в Светлогорске по обычаю предков, дата свечи - двенадцатого июня всякого года. К Сергею Аркадьевичу Орлову: если будете в Светлогорске двенадцатого июня - найдёте свечу с именем Аркадий Тимофеевич. По бумагам - больше ничего сказать не могу. А. Н. С., 79 г., весной».

Марина читала. Потом положила лист на стол. Подняла глаза на Лидию.

- В Светлогорске в храме святого Власия двенадцатого июня всякого года ставится свеча с именем «Аркадий Тимофеевич». Вашего деда.

- Двенадцатого июня.

- Это дата составления того самого листа. Лист «А-III-47», по обозначению Аграфены Никитичны, - это тот же самый лист «Серия А, Том III, Лист 47», который сейчас лежит у нас в подвале. Свеча в храме - это поминальная мера, которую установили в этом доме сто лет назад в день составления листа. Каждый год двенадцатого июня в Светлогорске в храме святого Власия по чьему-то заказу ставится свеча. Двенадцатого июня этого года тоже поставится.

- Кто её ставит.

- Я не знаю. По бумаге - «по обычаю предков». Обычай в этих местах поддерживается через долгие, прерванные на много лет связи. Чаще всего - через одного человека, который из поколения в поколение передаёт это дело следующему. В Светлогорске у нас сейчас, по моему предположению, есть один такой человек. Она работает по архивной части и её зовут Анна Антоновна Семирядская. По возрасту, по фамилии, по линии её отца - она вполне может быть тем человеком, кто свечу ставит.

- Можно мне быть с вами в Светлогорске двенадцатого июня.

- Если мы там будем в это время. По нашему сейчас расчёту - нет. Мы там будем в феврале-марте. К июню мы либо уже вернёмся, либо нет.

- Если будем - я с вами.

- Если будем - вы со мной.

Они посидели ещё минуту молча. Прасковья сложила лист обратно в папку. Папку положила на угол стола, не убирая. На неё легла тетрадь Шумиловой. На обе - холщовое полотенце.

К шести спустилась Арина. Лавка закрыта по обычному графику. Касса сошла. Полина знакомая записалась на сборы на четверг следующей недели, Арина её записала на одиннадцатое февраля, что было уже после выезда. Арина переспросила через дверь: «Можно ли мне принять её одну, без вас?»

- Можно, - сказала Марина. - Сборы по этой записи готовы у Прасковьи в нижнем ящике. Прасковья тебе скажет, какие из готовых отдать. Если попросит что-то новое - запиши, дождись моего возвращения. Я ей сама напишу из Светлогорска по почте, когда вернусь.

- Хорошо.

Сели ужинать. К столу Прасковья поставила гречневую кашу с маслом, селёдку и хлеб. Чай оставили на потом. Ели молча, не от тяжести, а от того, что после такого дня в кухне обычно держалась рабочая тишина, без жалоб и без слов.

После ужина Прасковья начала готовить отдельную небольшую сумку для коробки в дорогу. В сумку - тетрадь Шумиловой, в кожаную подкладку отдельным карманом. Папку Аграфены - в особый отдельный плоский футляр, который у Прасковьи хранился ещё с осени для аптечных счетов и подходил по размеру. Запечатанный лист Кузьмы к Анне Семирядской - в подкладку с полынью Агнии.

Лидия с трёх готовых листов сделала к восьми чистый комплект. Завтра, в пятницу, должны были подойти восемь листов основного пакета. К субботе всё лежать готовое.

К девяти все разошлись по комнатам. Зола, как накануне, осталась внизу. Прошла к двери, ведущей в подвал, села мордой к двери, как сидят перед охраняемым.

Через час, перед сном, Марина спустилась на кухню допить воды. Под дверью, ведущей в сени, у самого порога, лежала Зола, а рядом с её лапой - что-то маленькое, медное, блестящее. Марина наклонилась, подняла.

Это была пуговица. Старая, тёмная по краям, с тонким налётом окиси, размером с гривенник. На лицевой стороне - выгисненная неровная шестилучевая звезда. Та же, что на печати ковальной коробки в подвале.

Откуда пуговица в сенях, под лапой кошки, Марина не понимала. В этом доме за два месяца такие пуговицы ей не попадались. Шуба её и Глеба и Лидии - на пуговицах гладких, без знаков. Шуба Прасковьи - на крючках. Шуба Арины - на больших костяных кругляшках.

Пуговица была чужая. И при этом - своя.

Марина положила её в небольшой холщовый мешочек, который у Прасковьи всегда висел у двери, в этот же мешочек насыпала щепоть полыни, завязала и положила в нижний карман своей дорожной сумки, к тем самым шестидесяти рублям и запечатанному листу Кузьмы.

В подвале на печати ковальной коробки три пятна стояли неизменно. Третье оставалось тёмным, с контуром буквы. К утру у Марины было предчувствие, что контур к моменту выезда не прочтётся. Прочтётся только в Светлогорске. Так дом ей и говорил - последним молчанием, последней пуговицей в сенях, последней тенью кошки у двери под лестницей в подвал.

Глава 7. Восемь листов и заверка

Пятница, двадцать третье января. С утра в кухне Стожарских пахло свежей краской: Прасковья накануне вечером с Ариной протёрли все шкафы у двери в сени смоченной в льняном масле тряпицей, как было заведено в этом доме перед длинной дорогой хозяйки - не ради чистоты, а ради того, чтобы дому остался след заботы прежде, чем хозяйка из него уйдёт надолго.

Марина спустилась к шести. Спала в этот раз ровнее: тело понемногу привыкало к ритму последних дней перед выездом. На столе уже лежала тёплая лепёшка, под полотенцем. Прасковья у плиты разводила вторую заварку - крепкую, тёмную, в которой ложка стояла.

- К десяти Игнатий Капитоныч обещал.

- К десяти.

- Я ему вчера через сына передала, что в десять. Он подтвердил, что выйдет к этому часу. Через полчаса доберётся, к одиннадцати у нас уже подпись.

Игнатий Капитоныч Берёзин - староста Поленовской части города, человек, у которого по обычаю в Студёном Броде заверяли подписи на бумагах, идущих в Палату. Не нотариус по форме, не чиновник, но в этом городе уже сорок лет именно его подпись на копии считалась той, к которой Палата не имела вопросов. Заверять у него полагалось не для красоты, а для того, чтобы Сомов в Светлогорске, увидев на копии его руку, не мог придрачиться к самой копии и тратил время уже на содержание, а не на форму. Голощёкин в этом отношении не подходил: после снятия с дела его подпись могла быть оспорена.

К восьми Лидия принесла три своих готовых листа. Свидетельство о крещении, копия завещания матери, опись имущества родителей. Все три - переписаны набело, с чернилами высохшими, на хорошей плотной писчей бумаге.

- Эти три, - сказала Лидия, положив листы перед Мариной, - я подпишу сама как заявительница. Под подпись Игнатия Капитоныча на свидетельстве и описи. Под завещанием - подпись не моя, а подтверждение Прасковьи как свидетельницы того, что текст соответствует тому, что я диктовала по памяти и сверялась с письмами матери.

- Прасковья.

- Подпишу. По форме - «свидетельствую с её слов и в её присутствии».

- Хорошо.

К девяти все восемь основных листов Маринино пакета лежали на столе в порядке. Грамота Лидии от Заостровского, копия с её пометкой; выпись из домовой книги Стожарских в части хозяйки; выпись в части принятой под кров; журнал записи приёма; акт обстояния дома; копия её доверенности от Заостровского; личная грамота Лидии Орловой от тринадцатого января; и опись пакета, в которой все семь предыдущих перечислены с указанием числа страниц и подписей. Девятый - описание по памяти - лежал отдельно, на верхнем углу стола, под собственной обложкой, в верхней папке. К ним прибавлялись три листа Лидии. Всего одиннадцать листов в основном пакете и один - в верхней папке для предъявления по усмотрению.

К десяти Игнатий Капитоныч пришёл, в простой шубе, в шапке-папахе с длинным шерстяным шарфом поверх. В сенях разделся не до конца, как у себя дома не разделся бы, как у Стожарских - дом, в котором он сорок лет назад был мальчишкой и в котором Аграфена Никитична давала ему пить настойку от кашля. С Прасковьей поздоровался кивком, по-старшему, без слов. С Мариной - рукопожатием, что у него с женщинами было не правило, а исключение для тех, кому он отдельно уважал положение.

- Где документы.

- На столе.

Сели. Игнатий Капитоныч надел очки - простые, с тонкой стальной оправой, висевшие у него на шнурке. Папка с листами легла перед ним. Он начал читать первый - копию грамоты Лидии с пометкой Марины. Читал медленно, не пропуская ни одной строки. Дошёл до пометки, прочёл её три раза. Поднял глаза:

- Марина Сергеевна. Эта пометка ваша рукой?

- Моя.

- В пометке у вас одно слово в третьей строке: «удостоверяю». Я бы написал «удостоверяю по личной проверке». Так короче для оспаривания. Палата на «удостоверяю» одно может зацепиться, на «удостоверяю по личной проверке» - не зацепится, потому что у вас на хозяйке есть право личной проверки документов жильца дома, и они сами это записали в их же правилах сорок лет назад.

- Я перепишу.

- Перепишите сейчас. У меня есть час.

Марина переписала на чистый лист. Игнатий Капитоныч сверил, кивнул. Подписал внизу: «По удостоверению подписи и текста, копия соответствует. И. К. Берёзин, староста Поленовской части города Студёный Брод, двадцать третье января тысяча девятьсот шестого года». Под подписью - оттиск его старостской печати в красном сургуче. Печать у него с собой всегда, в малом холщовом мешочке во внутреннем кармане шубы.

То же прошло с шестью другими листами. Где-то Игнатий Капитоныч давал мелкие правки, где-то подписывал сразу. К одиннадцати половиной все семь были подписаны и проштампованы. Опись подписал последней, сверив сам себя по числу страниц на каждом из семи листов.

Лидия подписала свои три листа в его присутствии. Прасковья - под завещанием Лидии и под описанием Марины как свидетельница в части, касающейся даты и места составления описания, без признания самого содержания.

- Девятый, - сказал Игнатий Капитоныч, отложив листы. - Это что у вас отдельно лежит.

- Это описание по памяти документа из моего семейного архива. Не для пакета. Для предъявления по усмотрению хозяйки в кабинете Палаты.

- Дайте посмотрю.

Он прочёл. Дочитал. Прочёл второй раз. Поднял глаза.

- Марина Сергеевна. Я этому листу подпись не дам.

- Я не прошу.

- Хорошо, что не просите. Я бы не дал. Не потому, что в листе что-то неправильно. В листе с моей точки зрения сделано всё, что в таких случаях можно сделать. Я бы не дал подпись потому, что подпись на этом листе создала бы для меня угрозу, которой я в моих годах не нужна. Это лист, который вы пишете под свою личную ответственность как хозяйка. Под свою и только под свою. Никаких третьих рук на нём.

- Я учту.

- И ещё одно. Если будете показывать этот лист в Светлогорске - не давайте его в руки никому. Кладите на стол. Показывайте на своём столе или на их столе, но в руки не давайте. Если возьмут в руки - вы его уже из рук не получите. У них в кабинетах есть привычка: попадает бумага в руки, потом «ой, осталась в делах». Не давайте.

- Не дам.

- Тогда я закончил.

Прасковья принесла ему рюмку наливки и кусок чёрного хлеба с маслом. Это в этом доме было обычаем после заверки. Игнатий Капитоныч принял рюмку, выпил, закусил, не торопясь. С Мариной обменялся ещё парой слов о городских делах: про вдову Овчинниковых, которой к весне нужен будет новый забор по поленовской меже; про то, что в марте у Берёзиных подрастает внук, и Игнатий Капитоныч просил Прасковью держать про него в памяти, на случай

если в марте Маринин дом ещё пустует. Это была обычная для него манера завязать разговор с возвратом дальше: «к марту вы уже вернётесь, и тогда увидите с моим внуком». Подразумевалось: «я ещё рассчитываю вас увидеть, и считаю это нормальным ходом дела». В этих местах такая мягкая обусловленность была лучшей формой уважения.

К полудню Игнатий Капитоныч ушёл. У ворот его ждал младший сын с санями.

Марина сложила одиннадцать заверенных листов в холщовую папку с тесьмой, перевязала ровным узлом. Папка стала плотной, тяжёлой по краю. Описание по памяти - в верхнюю папку отдельно, в верхний карман дорожной сумки.

К часу пришёл связной по почте от Глеба. Не сам Глеб, его служебный нарочный, в форменном тулупе. Принёс запечатанный конверт. Внутри короткая записка: «Завтра, в субботу к девяти утра. По делу к вам - на час, потом по своему ещё час, потом обратно. Г.»

К двум Прасковья начала отдельную работу по сборам в дорогу. Это была её часть, в которую Марина по уговору не лезла. Прасковья брала с собой малую аптеку: семь сборов в холщовых мешочках по полфунта, в плотных тряпицах с пометками; настойки в трёх стеклянных пузырьках по четыре унции; сухие травы для свечей и окуривания в дороге - полынь, можжевельник, шалфей; небольшую чугунную ступку с пестиком; и отдельную небольшую сумку с тем, что Прасковья называла «дорожным набором» - то, что в санях должно лежать под рукой, не в общем ящике. В этой сумке - три сухаря для скорой еды, кусок солёного сала в бумажке, кружка эмалированная, моток льняной верёвки, иголка с ниткой в железной коробочке, и маленький холщовый мешочек с золой от прошлогодней печи, обёрнутый в плотный шёлк.

- Зола зачем, - спросила Марина.

- На случай. Зола от своей печи - то, чем в дороге, если плохо станет ребёнку или взрослому, можно остановить кровотечение или присыпать рану. У меня этот мешочек ездит со мной всю мою жизнь. Я её три раза в год обновляю. Этот - декабрьский.

- Хорошо.

К четырём пришла Соломия. Не по делу - по соседству. Принесла мешочек сушёного шиповника, который обещала в среду, и в придачу маленькую коробку с двумя свечами восковыми, ровными, тонкими, неосвящёнными.

- Поставите по дороге, если будет где, - сказала Соломия Марине. - Не обязательно в храме. Можно у себя в комнате на постое. У меня в дорогу всегда такие свечи. Они горят ровно, без трещин, не дымят.

- Спасибо.

Соломия посидела в кухне четверть часа, поговорила с Прасковьей о том, что у её, Соломии, аптеки в эти дни появилась новая постоянная - женщина из приходской родни Берёзиных, которая нуждается в сборе от грудного, и Прасковья её знала по прошлому году. Марина в этот разговор не вмешивалась. Сидела у окна, перебирала в голове последовательность завтрашних и послезавтрашних дел.

К пяти Соломия ушла. Прасковья проводила её до калитки. Вернулась.

- Та женщина с шёлковым платком поверх шерстяного - сегодня к Соломии не приходила. И вчера не приходила. Соломия мне сейчас сказала, между делом, не подчёркивая. Это значит, что она либо ушла из города, либо изменила тактику.

- Изменила.

К шести спустилась Арина. Лавка закрыта. Касса сошлась без недостат. Полинина знакомая записалась окончательно на одиннадцатое, как было намечено, и сама принесла под расписку оплату вперёд - пять рублей за месячный сбор, что Арина показала Марине в тетради.

- Хорошо. Эти пять рублей - в дорожную кассу, не в общую. Они пойдут на сборы, которые Прасковья по своему делу в эту неделю не успевает доделать. Прасковья тебе скажет, какие

травы у неё не хватает. На эти деньги в следующую среду к десяти у Никифора в лавке купишь, что Прасковья тебе напишет.

- Я запишу.

- И ещё. - Марина встала, подошла к шкафу, достала из верхней полки небольшой кожаный кошелек, тёмный, потёртый. - Это тебе. Пять рублей серебром и два рубля бумажкой. Это не на лавку. Это на тебя лично, на время моего отсутствия. Если что-то понадобится - не из лавочной кассы, а из этого кошелька. Чтобы у тебя в любой момент были деньги без вопросов.

Арина не сразу взяла кошелек. Посмотрела на мать.

- Мне не нужно семь рублей. У меня от лавки есть мои собственные. Я в прошлом месяце по уговору отложила.

- Знаю, что есть. Это сверх твоих. Это не за работу. Это за то, что ты остаешься в доме, в котором сейчас будет пусто. Дом не любит пустоты. Поэтому ты с ним - тоже плата.

- Хорошо.

Арина взяла кошелек, поцеловала Марину в висок - быстро, не задерживаясь. Это в их семье за два месяца стало знаком, что серьёзный разговор закончен и в нём всё понятно. Села к столу есть.

Пужинали втроём - Прасковья с Ариной и Лидия, Марина пришла к столу с опозданием, потому что заканчивала что-то у конторки наверху. Ели жареный картофель с луком и солёные грибы, которые Прасковья выставила к этому ужину как к проводам, хотя провода по-настоящему были не сегодня, а в воскресенье вечером.

К десяти все разошлись. Зола снова к Марине наверх не пошла, осталась внизу. На этот раз - не у двери в подвал, а у входной двери, в сенях. Это означало, по её привычке, что в эту ночь она ждёт кого-то, чей приход для дома не угроза, а событие.

Суббота, двадцать четвёртое января. Глеб приехал к девяти, как обещал. На этот раз с собственным извозчиком, не на казённых санях. Это был знак: дело его сегодня в этом доме не служебное. Привёз собственную служебную сумку - тёмно-коричневую, кожаную, плотную, с замком и боковыми отделениями. Внёс в кухню. Поставил на скамью.

- Я с делами на час.

- Я слушаю.

- Первое. Запечатанный лист Кузьмы к Анне Семирядской.

Прасковья принесла лист, восковая печать в целости. Глеб взял, посмотрел печать с обеих сторон, проверил, что сургуч не подплавлен, кивнул, положил во внутреннее отделение своей сумки, под двойную подкладку. Замок защёлкнул.

- Доеду до Светлогорска - передам тебе обратно в первый же вечер на постое. По дороге у меня в сумке его никто не вскроет.

- Второе.

- Тетрадь Шумиловой. По твоему вчерашнему сообщению через Прохора. Я с ней разбираться не буду. Я её ни в свою сумку, ни в свои руки не беру. Пусть едет у Прасковьи в кожаном кармане ящика. На этой тетради не должно быть моего следа. Если её найдут у тебя - моя сумка должна оказаться отдельной историей, не связанной.

- Хорошо.

- Третье. Я тебе сегодня привёз две дополнительные бумаги, не из общего пакета.

Он достал из внутреннего отделения две сложенные вчетверо плотные бумаги, положил перед ней.

- Первая - моя собственная служебная справка, которую я по своей подписи могу выдать любому жителю Северного предела по личной просьбе. Текст: «Подательница сего, Марина Сергеевна Стожарская, хозяйка дома в городе Студёном Броде, известна мне с октября тысяча девятьсот пятого года по службе. По моим наблюдениям, в делах ответственна, по обязательствам исполнительна, в обстоятельствах не теряется. Г. А. Заостровский, исправник Северного

предела, двадцать четвёртое января тысяча девятьсот шестого года». Печать моя служебная. Эта бумага в Светлогорске тебе не нужна для пакета и в пакет её не клади. Эта бумага у тебя на случай, если в Светлогорске у тебя возникнет необходимость представиться кому-то по гражданской линии, не по светлогорской Палате, и подтвердить, что ты не самозванка. В таком случае - покажешь. Если такой случай не возникнет - возмёшь обратно в Студёный Брод.

- Хорошо.

- Вторая - запечатанное письмо к моему светлогорскому связному. Имя его - Лев Григорьевич Зотов. Адрес - переулок Соборный, дом четырнадцать, квартира два. Это частный человек, не служебный. Я с ним по своему делу буду общаться. Если со мной что-то случится в Светлогорске и я тебе сам не отзовусь к концу первой недели нашего пребывания - пойдёшь к нему, передашь это письмо, не вскрывая. Он тебе помощь окажет в пределах своего. Печать как и на листе Кузумы - моя, восковая, не служебная. Если печать сорвана - не передавай, по моему отсутствию письмо в этом случае уже не нужно.

- Глеб.

- Что.

- «Если с тобой что-то случится» - это в каком смысле.

- В прямом. В Светлогорске я еду по делу, в котором решается, остаётся ли мне моё место или меня переводят. Это решение принимают люди, которым не всё равно, как я веду себя сейчас. У меня есть основания думать, что некоторые из них не любят моей независимости. Я не утверждаю, что мне в Светлогорске угрожает прямая опасность. Я говорю, что прямая опасность не должна заставить меня без подготовленного хода. Я этот ход готовлю. Тебе моя подготовка нужна как страховка.

- Хорошо.

- Положи письмо отдельно от моей справки. Справку в сумку под рукой. Письмо - в кожаный карман ящика, рядом с тетрадью Шумиловой.

- Положу.

- Третий час делом - помощь с укладкой. Что у тебя осталось не уложенным.

- Ничего по основному. Сегодня в течение дня уложим в ящик пакет и тетрадь. К вечеру отдельно - вещи Лидии и Прасковьи и мои. Завтра - последние сборы и отдых. В понедельник в шесть выходим.

- Тогда я по своему. На час второй.

- По своему.

- По своему - я просто посижу с тобой и Прасковьей в кухне. По делу больше ничего. Поговорим про дорогу, про постой, про то, в каком порядке выезжаем. Прасковья, у вас на постое в Холмецкой Слободе у Дёмина - комнаты заказаны?

- Заказаны. Две комнаты на ночь, четыре кровати. Дёмин нас знает с прошлой осени, держит за нами.

- В Сорочьей Гати у Капустиных?

- У Капустиных. Тоже заказано.

- В Звонком Овраге - там, как обычно, не заказывают, приезжают и сами договариваются?

- Там в этом году другой хозяин на постое, Семенюта. Я по его линии не работала. Я заранее ему через нарочного передала, он подтвердил, что в понедельник вечером у него для нас будет место. На словах. Письменно я не получала.

- Я подстрахую. Перед выездом я отправлю своего человека вперёд, в Звонкий Овраг, утром в воскресенье. Он там приедет к нашему вечеру понедельника и заранее проверит, что место за нами держат. Если не держат - найдёт нам альтернативу. Если держат - встретит нас у въезда.

- Это лишний расход.

- Это моя плата за то, что я еду с вами в одной партии. Я считаю это своим вкладом в дорогу. Не дискутируем.

- Хорошо.

Прасковья к одиннадцати поставила чайник в третий раз за это утро. Сели втроём в кухне. Лидия не подошла - была у себя наверху, складывала собственный чемоданчик. Арина - в лавке. Дом сейчас был тих, и в этой тишине разговор Глеба, Марины и Прасковьи о постояях, лошадях, часах выезда шёл ровно, по-рабочему.

К двенадцати Глеб встал.

- Я обратно в управление. Завтра не приду, не успеваю. В понедельник буду у вас у ворот в шесть утра при своих саях. Поедем двумя экипажами: ваши сани с возницей Захаром, на которого вы заранее уговорились, и мои с моим. На постояях - вместе. К Светлогорску подойдём вместе, разделимся при въезде, я к Соборной, вы к северному мосту.

- Хорошо.

- Марина.

- Да.

- Я тебя в эти три дня до понедельника больше не увижу. Завтра у меня служебный день в управлении, потом сборы. Если что - через моего нарочного. Если ничего - встретимся в понедельник в шесть.

- Хорошо.

Они вышли в сени. У двери Глеб остановился.

- Я тебе ещё одно скажу. На дороге между нами. У меня в последние дни в голове часто стоит мысль, что я в Светлогорске рискую больше, чем ты. Я к этой мысли не привык. Я по своей жизни рисковал большим, чем сейчас, не один раз, и привык, что в риске я обычно один. Сейчас иначе. У меня в риске - ты, твой дом, твоя дочь, Лидия, которую дом признал своей и твоя Прасковья. И на самом деле от меня в этой раскладке зависит немного. Я знаю, что ты в Светлогорске обходишься без моей помощи и обойдёшься. Это не оскорбительно для меня, это правильно. Я просто хочу, чтобы ты знала, что мой страх в этой поездке - не за себя.

- Я знаю.

- Хорошо. Тогда до понедельника.

- До понедельника.

Они не обнялись и здесь. На крыльце Глеб обернулся последний раз, чуть наклонил голову. В этом наклоне у него было то же, что обычно есть в неполных жестах: больше, чем в полных.

Сани увезли его в сторону управления. Марина закрыла дверь.

В кухне Прасковья уже разбирала на столе содержимое ящика. Холщовая папка с завернутыми листами легла на дно ящика плотно, без зазоров. Сверху - кожаная подкладка с двумя простроченными карманами. В левый карман - запечатанное письмо Глеба к Льву Зотову. В правый карман - тетрадь Шумиловой в тряпице. Сверху на подкладку - тонкая льняная пелёнка, которую Прасковья заранее держала на этот случай.

- Я закрою. Ключ тебе на шее на шнурке, под платьем.

- На шнурке.

Прасковья закрыла замок. Ключ повесила на длинный льняной шнурок, шнурок надела Марине через голову. Ключ повис под платьем, у грудины, под рубашкой. Холодный, маленький.

- Носи и не снимай. Снимешь только в Светлогорске в кабинете, если придётся открывать ящик при них. И сразу обратно на шнурок.

- Хорошо.

К часу Прасковья вышла во двор - проверить полозья, которые она с Захаром накануне осматривала, но привычка её требовала проверить второй раз. Марина осталась в кухне с ящиком. Положила обе руки на крышку. Закрыла глаза.

В подвале на печати три пятна. Третье - ещё не прочтётся. В сумке - шестьдесят рублей, мешочек с медной пуговицей, мешочек с полыню Агнии, две восковые свечи Соломии. В ящике - одиннадцать заверенных листов, тетрадь Шумиловой, запечатанное письмо Глеба. В верхней папке - описание по памяти, для предъявления по усмотрению. На шее - ключ. В голове - имена: Феоктист, Зинаида-Лукерья, Аркадий Тимофеевич, Антон Прокопьевич, Анна Антоновна, Аделаида Петровна. Сомов в Светлогорске пока ничего из этого не знает. Узнает - неизбежно. Когда - зависит от хозяйки.

Марина открыла глаза. Подняла руки с крышки. Ящик стоял ровно, плотно, тяжело. Дорожный. Готовый.

Дом стоял за её спиной. Тоже готовый. По-своему.

Глава 8. Воскресенье

Воскресенье, двадцать пятое января. К утру выпал ещё снег, тонкий, не плотный, но равномерный, и в окно кухни в седьмом часу свет лежал бело-голубой, тот самый, который в этих местах считался добрым к началу дороги: «снег на выезд - дороге легче».

Прасковья не разводила сегодня большого огня. Тёплая печь, оставшаяся с ночи, грела ровно, без шума, и в кухне держалась та редкая зимняя тишина, в которой слышно, как у кого-то наверху раз в полминуты скрипит половица. Это была Лидия. Она в это утро не спала с пяти, как и Марина, как и Прасковья. Так в этом доме перед длинной дорогой не спали все, кто шёл, и часть тех, кто оставался.

Марина сидела у окна, не у плиты. Перед ней - открытая тетрадь, в которой она в эти два месяца вела свои хозяйственные записи. Она дописывала сегодня последнюю страницу до отъезда. Запись была короткая: «25 января. Сдаю дом и лавку до возвращения дочери Арине Беляевой. По всем хозяйственным делам, кроме записей по моему семейному архиву, ей дано полное право решать. По семейному архиву - не открывать комнаты под лестницей и подвала никому, включая Прасковью, до моего возвращения. М. С. Стожарская».

Положила тетрадь на верхнюю полку шкафа, на видном месте, чтобы Арина в первый же день её увидела. Закрыла обложку.

К восьми пришла Прасковья от плиты с двумя кружками. Поставила одну Марине, вторую - себе. Села напротив.

- Что у тебя в голове сейчас.

- Дом.

- Я думала, Светлогорск.

- Сначала дом. Потом Светлогорск. Я в эту ночь два раза просыпалась от того, что мне казалось, что в подвале что-то двигается. Спускалась обе ночи проверять. Ничего не двигалось. Зола сидела у двери, смотрела на меня без выражения, как сидит у двери, когда хозяйка идёт, куда не надо, но кошка её не останавливает.

- Я тоже спускалась один раз. К четырём.

- Ничего?

- Пятна на месте. Третье без изменений. Контур буквы тот же, что вчера.

- Значит, в Студёном Броде это уже не прочтётся.

- Значит, не прочтётся.

Помолчали. На улице за окном через узор инея было видно, как сосед напротив, старик Антипов, выходит из калитки с метлой - чистить дорожку. Воскресное утро в этом городе обычно начиналось так: первые на улицах те, кто чистит снег, потом те, кто идёт к ранней службе, потом - все остальные.

К девяти спустилась Арина. В будничном тёмном платье, с убранными волосами, без украшений. Шла на службу к десяти, как у неё было заведено каждое воскресенье с конца ноября.

- Я к десяти ухожу. Вернусь к двенадцати. По дороге зайду к Захару - подтвердить ещё раз, что в шесть утра завтра. Хотя он и так знает.

- Зайди. Лишнее напоминание у Захара никогда не бывает лишним.

- Лидия со мной не идёт?

- Лидия сегодня домой. У неё, она сказала, своя служба в голове, без храма.

- Хорошо. Прасковья.

- Что.

- Я после возвращения сразу за стол. К нам ничего из лавки не нужно к обеду?

- Ничего. У нас всё есть. Иди с миром.

Арина накинула шубу, шапку, замоталась платком и вышла. От порога обернулась, посмотрела на мать.

- Мама.

- Да.

- Я всё сделаю как надо.

- Я знаю.

Дверь закрылась. Через окно было видно, как Арина идёт по дорожке к калитке: ровно, без оглядки, плечом подавая чуть вперёд, как ходят люди, у которых на сегодня в голове по порядку всё, что нужно. Маринин взгляд проводил её до конца улицы, до угла, где Арина свернула на Поленовскую, и потерял из вида.

К десяти спустилась Лидия. С небольшим саквояжем, который у неё с собой ехал ещё с Ярославля, в котором лежали её личные вещи и три листа собственных бумаг отдельно от пакета.

- Я готова. Что мне делать до обеда?

- Сядь со мной. Поговорим. У меня к тебе несколько вопросов, на которые я лучше получу ответы здесь, чем в дороге или в Светлогорске.

- Хорошо.

Сели за стол втроём - Лидия, Марина, Прасковья. Прасковья встала к плите со своей кружкой, чтобы не нависать над разговором, оставила им стол.

- Лидия.

- Да.

- В Светлогорске вас в Палату вызывают как заявительницу по своему делу. Вы там говорите о себе. Не обо мне, не о Прасковье, не о доме. Только о себе. Это понимаете.

- Понимаю.

- На вопросы о доме отвечаете коротко: «Я нахожусь под кровом дома Стожарских с пятого декабря тысяча девятьсот пятого года по обоюдному согласию, документально оформленному грамотой моей и хозяйки от тринадцатого января. По хозяйственным и семейным делам дома спросить хозяйку.» Дальше - тишина. Не разворачивайте.

- Понимаю.

- На вопросы о вашей родной семье отвечаете по бумаге, не по памяти. У вас в трёх листах - свидетельство о крещении, копия завещания матери, опись имущества. Этого им хватит. Если будут вопросы про деда - Аркадий Тимофеевич Корнилов, дата рождения примерно в начале двадцатых годов девятнадцатого века, точную дату не знаю, спросите у мамы. Дальше - не знаю. И это для вас правильный ответ. Не выдумывайте.

- Не буду.

- На вопросы про мои семейные дела вообще не отвечайте. «Об этом я не уполномочена говорить». Эта формула короткая, её Палата принимает.

- «Не уполномочена».

- Да. И последнее. Если вам в Палате задают вопрос, на который вы не знаете, как ответить, и при этом видите, что от вашего ответа что-то зависит - не молчите долго. Скажите: «Прошу мне дать время посоветоваться с моей опекающей хозяйкой». Прервёт допрос, выйдете ко мне, я подскажу. По их правилам они обязаны вам такую паузу дать. Я в инструкциях Палаты вычитала. Они на это рассчитывают, что человек этого права не знает. Знайте и пользуйтесь.

- Запомню.

- Прасковья, добавьте что-нибудь?

- Добавлю одно. - Прасковья отошла от плиты, подошла к столу. - Лидия. В Палате с тобой будут вести разговор не один человек. Их будет два-три, иногда четыре, и они будут говорить по очереди, чтобы у тебя в голове сбилось ощущение, кто из них главный. Не пытайся

разобраться, кто из них главный. Главный обычно сидит чуть в стороне, не задаёт вопросов и пишет. Не смотри на него специально. Делай вид, что не отделяешь его от других. Если случайно встретишься с ним глазами - не отвечай на взгляд, переведи глаза на того, кто в этот момент задаёт вопрос. Это снимет с тебя на нём фокус.

- Хорошо.

- И не пей у них воду. Если предложат - откажись вежливо: «спасибо, я не пью в учреждениях». Они на это привыкли, не обидятся. У них в графине обычно ничего нет, кроме воды, но привычка отказываться у Стожарских в этом доме - сто лет.

- Не буду пить.

- Тогда у меня всё.

К одиннадцати разговор закончился. Лидия пошла к себе - перепроверить саквояж. Марина ещё раз спустилась в подвал. Одна. Прасковья её на этот раз не сопровождала, потому что в этом доме перед отъездом хозяйка должна была попрощаться с подвалом одна.

Спустилась со свечой в подсвечнике. На полке у задней стены - ковкая коробка. Печать. Три пятна. Третье - тёмное, с контуром буквы. Контур не сложился ни в одну букву кириллического алфавита, в которых Марина за неделю мысленно искала. Не «А», не «П», не «С», не «Е». Что-то приближённое к «Ф» с длинной нижней чертой или к «Б» без верхней. Возможно - не буква вовсе. Возможно - знак, который только похож на букву и читается иначе.

Марина положила обе ладони на крышку. Не на печать - рядом с ней, на дерево.

- Я тебя на семь недель оставляю. Возможно, на дольше. Дом за тобой смотрит, в комнате под лестницей у меня закрыто на ключ, ключ у Прасковьи, Прасковье в подвал я говорила без меня не спускаться. Дом - в Арине. Имя я обещаю прочитать там, где ты мне его покажешь. Если не покажешь до моего возвращения - буду читать тут, через год, через два, когда покажешь.

Сказала вслух. Знала, что глупо, и сказала. В этом доме за два месяца к подобным разговорам с коробкой Марина привыкла - не как к разговору с собеседником, а как к разговору с самой собой при свидетеле, который не отвечает.

Поднялась. В кухне Прасковья встретила её у двери.

- Сказала?

- Сказала.

- Хорошо.

К полудню Арина вернулась со службы. Прасковья сразу подала обед: щи на остатке вчерашнего бульона, отварную свинину с гречневой кашей, чёрный хлеб. Ели вчетвером - Марина, Прасковья, Лидия, Арина. За столом разговор шёл негромкий, по обычным делам: какая погода обещается к утру, во сколько Захар обещал быть у ворот, какие сапоги Лидия наденет на дорогу - не парадные, а тёплые, с двойной подкладкой.

После обеда Арина пошла в лавку - не открывать, а навести порядок, чтобы в понедельник начать рабочий день без беготни. Прасковья начала собирать у плиты последние мелкие вещи в дорожный мешок. Марина с Лидией поднялись наверх - в свои комнаты, последний раз проверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.